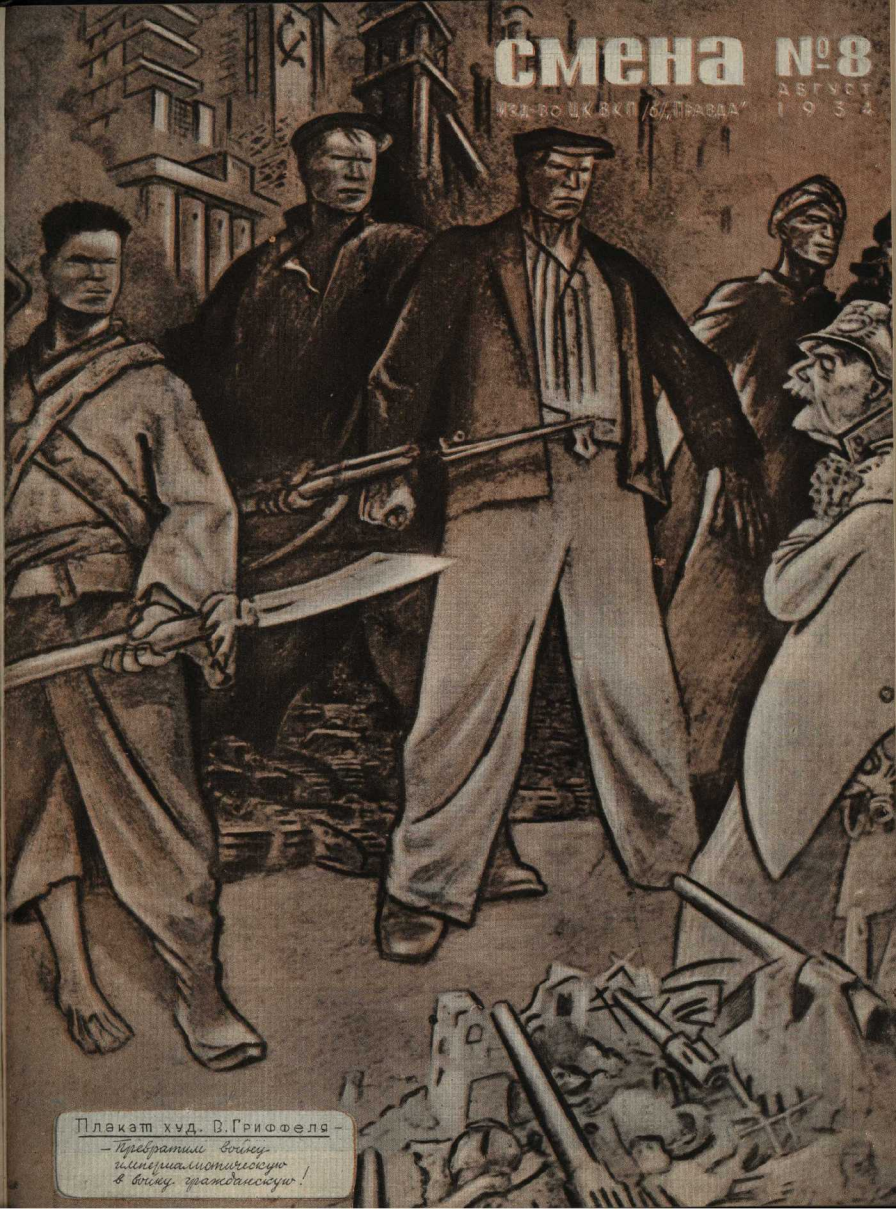

СМЕНА №8

АВГУСТ
1934

№2-ГО ЦК ВКП /6/, ПРАВАА'

Плакат худ. В. Гриффельс -

*— Перебратим бойцу
интернационалистскую
в бойцу гражданскую!*

Слесарь десятой шахты партии Легат является прекарным инноватором шахты.

Самые десяти тысяч лучших комсомольцев мобилировано для работы на строительстве московского метрополитена. Визитки в семидесятилетней коллекции строителей метро, комсомольца привнес в шахты, заботы и дистанции лучшие образцы и методы ударной работы, свой молодой оптимизм и культурные навыки. И эта культура, новое отношение к труду чувствуются в работе и взрослых и молодых ударников метрополитена.

Пройдитесь по шахтам и дистанциям метро, побывайте в городках строителей — и вы сможете наблюдать интереснейшие картины.

Вот только что закончила работу ночная смена. В перепачканной глиной проезде, в тяжелых резиновых сапогах ребята исследуют за оставшуюся организацию своеобразную «тандриваду». На мягком песчаном грунте, под аккомпанемент неземного мотива, запевая о таких же измученных зрителях-метроостроителях, тандром лихо отплясывают, вы-

Проходной шахт комсомолец Давиташвили организовал шумовой оркестр. Под его руководством оркестр исполняет набадрскую легиону.

„САМОДЕЯТЕЛИ“ МЕТРОСТРОЯ

В центре просмотровой комиссии находный артист республики М. Ипполитовичев.

делавшая самые неожиданные колена и па.

Огромное количество молодых и взрослых талантливых работников метро: прекрасных паяльцов, певцов, музыкантов, тещи и т. д. — не издалека вышлой поддержки и помощи в развитии и закреплении своих способностей в различных областях искусства. Постройкой Метроострой в наше время в своей культурно-массовой деятельности интересуется этой работой, явно недооценивая ее значение.

А лишь недавно, в середине июня, с большим оплодотворением метроострой-е организаторы явились за это нелегкое и интересное дело. И проваженный ими

Грушник исплохо играет по слуху

смотр талантливых одиолюч (пока еще одиолюч: кружок на метро лончи нет) явились огромное количество одиолючных людей, показавших свои достижения в самых разнообразных областях искусства.

730 строителей метро участвовали в смотре художественной самодеятельности. Но и эта цифра участников является далеко неполной: неудовлетворительное проведение низовето смотра в ряде шахт, оставило в тени множество талантливых людей.

И все-таки многоголосные поэты, тещи, певцы, паяльцы, скрипачи, гармонисты, паяльцы, имитаторы, фокусники, проваженные перед столам смотрай комиссии, в массе сво И продемонстрировали общий культурный рост, большую тягу к знаниям, к повышению художественной квалификации. И ряду наиболее одаренных и способных певцов и музыкантов, как например слесарю завода № 3 Васильеву, обладающему звучным, сильным баритоном приятного тем-

Поправившись артистем паяльцы и тещи ки М. Гуровой, уброщицы второй дистанции.

бра, или бегощице Изубаской (хорошо драматическое сопрано), скрипачу-комсомольцу Володе Шнейру, прекрасным паяльцам — бригадир-крестьянщину Рудь, бегощице Ритигиной, проходнику шахт Давиташвили и др. — должна быть обеспечена специальная учеба в художественных вузах и техникумах.

Теперь, после смотра, комсомольские организации Метроострой должны добиться создания при построенном метро центральной базы художественной самодеятельности. Эта база сможет руководить все еще разрозненной и беспорядочной самодеятельностью шахт и дистанций и талантливыми одиолючными. Органи обязат-

Комсомолец В. Шнейро, участник драм кружка, исполняет «Изуборов» М. Глинки.

различные ансамбли и музыкально-хоровые кружки, обслуживая ими огромный коллектив самих же строителей метро.

А московские театры, шефствующие над метро, от дележаций и разговоров должны перейти к повседневной помощи самодеятельности метроостроителей. И тогда, к несомненной олимпиаде молодых дарований, организованной ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС в октябре этого года, Метроострой, несомненно, придет с еще большими достижениями.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Рассказы и очерки	
М. Долгополов, «Самодеятель Метроострой»	2
И. Лебедев, Люди и звери	4
М. Рыльберг, Концерт в «Шалашаеве»	7
И. Родион, Жизнь Северина	9
В. Акаев, Шлях для шланга	9
В. Тертыч, Язык батыч мелочников	12
И. Агапов, Памятник и возмещение	14
Л. Барнацкий, Война и новаторство в искусстве	22

И. Лебедев, Песни обороны	6
Ф. Фолькин, Девушка	12
А. Иванов, Песни	13
Л. Пылова, Выпивола	15
ЛЕБОРАТОРИИ ТИОРИИ	
С. Тертыч, Искусство смотра	17
НАЦИ ЛЮБИМЫХ СПЕТАКИ	
С. Карамелько, «Хороводство и любовь» Ф. Шнейдера	18

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЛОДЕЖЬ	
Г. Леонов, Иродия Смирнова	19
РАССКАЗЫ О ПОИДЖАХ	
О. Илари, Дядя шланга	20
ШТАТОНА КОНСУЛТАЦИИ	
А. Гриню, Моделю ли играть со мальчишкой?	21
Рисунки В. Гриняева, А. Пономанюк, Л. Смирнова, Ю. Шагина, Е.г. Лебедев, А. Рыльберга, А. Левитала, И. Солонкина	

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд. по ЦУ ВКП(б), «Правда»

№ 8

1 9 3 4

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Черкасский пер., д. 3/4
Тел. 2-89-28

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ФОТ. И. ШАГИНА

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ БЕСЕДУЕТ НА СЪЕЗДЕ С ПИОНЕРАМИ 13-й ШКОЛЫ ШАРИКОПОДШИПНИКА.

ПО ДИШУ

РАССКАЗ

С Валтером меня познакомили на квартире одного из парторбтентов артистов, где обсуждался вопрос о последней драке в Бельмо между комсомольцами и фашистами. Цекст считал, что это была ненужная драка. Фашисты были рабочие. Их нужно было убеждать, а какое убеждение, когда для десятка фашистов ушли с расклеванными физиономиями? Все смотрели на Валтера и шутовались: он один из первых ватаев вти в коммунист, с следом по уху какого-то заезжавшего фашиста. Валтер больше молчал, но подслушивал пробырота, что, когда он шлёт фашиста, у него руки чешутся. Цекст не называл его по имени, но намекал на него очень внятно, а когда Валтер попробовал что-то пробырота, он даже пригрозил ему:

— Смотри у меня, лейнй! Кончатся тем, что завяжут тебе ватвор.

Валтер не был левым, но завидра был ужасный. По Шарлоттенбургу долго ходил раскаяв в том, как он бейвал от духа шутю, прокусил им до крови руки. Сам Валтер не вспоминал об этом и всегда обижался:

— Ну, вот еще... Тоже орущие — зубы... Вечер был тихий. В комнате было душно, а уаидя ашывала экасной сажелюсте Тиргартена, и Валтер предложня проводить меня к вокзалу Вестен. Ми шал переуаажия, где тише и где мало света: здесь можно было спавной говорить о том, до которых же было низкого дела берлинской полиции. Мимо шимпула поеза городской дороги, обдав нас своим холодным оранжевым светом. Потом шались позад, шати в уаидеах члестях уаид становилась все более реальныи и гуаажныи, и мы, захваченные тишиной, сами стали говорить шопотом.

Одновкой полицейский вояле парка Шустера бавлявамо огладел нас: втадил его сковаааю по моему набитому портфелю, по мемочаужку Валтера.

— Дураак, — ругнулся мой спутник. — Мне хочется проучить его...

Я запротестовал. Зачем? К чему заведать в тотю тосяклого представляема власти у аидеа в самый тосякловичй парк Берлина?

— Нет, ты должен на это посмотреть. Практика, понимаешь. Подошли к шутю и спроси у него, как прийти в Вестен.

И повывавался: Будущая жертва Валтера очень подробно объяснила мне топартиро Шарлоттенбурга: человек устаа от молчаия и обрадовался возможности поговорить. В конце концов мне стоа жалко, я расклевался и пошла далава. Валтер шел рядом, злодейко уаибакса.

— Оберниси.

Я главуа назад и прикуси себе губы, чтобы не захлоаота на всю уаиду: на силне поаидеаекого прасвавааа спавной плаваат:

ДОЛОЙ РЕЙМ! ГОЛОДА И ТЕРРОРА! ДОЛОЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ!

— Вот и еще один будущий безработный в Берлине, — завывал в смехе.

— Ерунда!

Валтер успокоился и после пристува безавучного смеха начал говорить почти серьезно:

— Это вовсе неслыханная вещь. Только одним у меня был случай посерьезнее — у Цюо. Это было еще до Гитлера. Я расклевала плавааты с призывом голосовать за коммунистов. Возмаса часа два и устаа чертовски: прихотелось выбирать такие места, где бы плавааты не сорвали фашисты. У Цюо меня ааиятея товарищ. «Нечастый», говорит, ты расклевываа фашистские плавааты? Я говорю: «Юйк, окуаиси а яваа, ты уторда». Какое там уторда! Поаидем, говорю, посмотрю. Пошли. Я чуть не расплаваала от досади: веде, где я каваа, висеаа фашистские плавааты: Дело было ясно: за мной по лиятам шал фашисты и заклавааа мои плавааты своими. Я говорю парюк: «Беги туда-то и спрячься. Я там буду камент. Ты незаметно спавался фашистов и свистеши мне. Оставаье выдеаем потом». Сказом, мы их выкармли.

— Не было трое, нас — двое.

Валтер, ты молочина, — сказала я ему, когда мы выходяа из кино.

— Ребита хорошие, — сказала он, помочая. — Все будут ааиятея. Истату...

Ми повывавался с бесцетным ровневиком ааиянем бывшей социал-демократической школы, сейчас превращенной в расово поаидеаую школу нового повывавания.

— Зайдеа в эту трубуаю. Ты посмотриши, что эти негодяи делают со своими киноаи.

Биковой переуоак дышла невываидной, слежавшейся гильмо. Обнесенный истотажааиями отсавааи помоа, он навалка невываидные уаидеаи ставлаага зоваияной акуратностью своих ровневиких как на парабде доминов. В вестиблю, где паало респектабельно, кейастром и сорочкааиями иставываааи, прасвавааа деловая алавааия: «Бастаак как ученических партеа. Начальство высталаво лучше, но до чего все-таки условия вкуса! Лошалак, шипеши, арадежиши, ааиятея. Вот доикс с чистотевыми бавлевонными фукусаами градаааи картофель. Вот мешка-нортуааа с веривааиями на пааишке. Вот аляваа с собачийо агу, маельнаа!.

— А вот рисунки, статутаи, переводные картинки. Гитлер, Гитлер, Гитлер... Тисчаа варивий одиото тутю не... уаидеаа истотажааия иаидеаа корютеж уае. Ми шал в... уаидеаа устааа шагаа за нами по комнатам. А рядом стоала пятнааидлааияаа неаолета в чистевом пааишке и с швачааиями в акуратно шваааивааа куаааи уаибакса, шваааа на посетителяа, ожидааа неизменного поаидеаа.

— Недоросла! — сказала я про себя.

Валтер даже плаюна со злости.

— Подумаа только, — сказаа он, — что в двух километрах отсюда бмаи барьерами Вадинага и Нейсаааа.

...ОРАТОР ТАК И ЗАСТЫЛ С ОТКРЫТЫМ РТОМ.

Вечер пустынен. Скорый ритм шагов утомляет как молчание. Вечер мертв словно в пейзаже Ко. Каветиса, в воздухе расплавлен какао-то груст. И я вижу, как всегда ставившему Валтеру становится не по себе.

— Сашиню много крови, — говорит он вслух, — Фашиню подобирается к нам... Обманом, лезть, угрозы. Но много ли охотников нести обставный труд на кладбище?

Задумавшись, он говорит глуше, с неясной дрожью:

— А каких хороших ребят не стало! Фришман, Шрефеландер, Зельд, Крисман, Динь, Малхол, Хорен, Губер, Самую старшему на них было только семнадцать. Это же, наверное, не рисовали лодовки!

Группа школьниц утомительно чинно проследовала на выставку. Полицейский остановил автомобиль и умышленно смотрел на прохаживавшего Валтера скривив губы и низко нагнув фуражку.

Месяц спустя, когда гебельсовский «Антифронт» начал привлекать антифашистов, я узнал, что Валтер пошел к ним инструктором. Это было в те дни, когда Гебельс говорил:

— Не шлите детей, если они большевики.

Валтер научил антифашистов тонким разведкам среди рабочих в там-расторке. Он открыл им тайны внезапных индийских и немецких операций.

Он учил их независимости. Как-то разгласил устроенные митинги на бирже труда. Зельс митинг — страшные преступления. И все-таки собралось до тысячи безработных. Полицейский пробрался в самую первую группу. Антифашисты крепко схватили друг друга за руки: ала руда — не прорешет. Оратор рывком в толпе. Уже через полчаса где-то в маленьком переулке у Мертского вокзала, его настиг фашист и ударил вастеком по голове.

Исторские он всегда провозила домой коммунистических ораторов. На этот раз он был совершенно безоружен. Тогда он быстро снял фуражку и вылезал из толпы фашисту. Показав зубы, Валтер дал ему крепкого пинка в бок и отбоял калет.

— Хороший жест, — показывал он мне потом. — Пригодился.

На следующий день я провозил его на Лангвальский вокзал. Целка послала Валтера в Лейпциг, где у него что-то не ладилось. Оттуда в Цеха уже не летел самолет, что молодой перестала интересоваться комсомолом. Над одной из таких жалоб долго измывался Валтер. «Что это за комсомольцы», — смеялся он. — Это гуси, а не комсомольцы.

— Не бойся, — говорил он, вставая и уже отходящий поезд. — Ты мне все-таки подожми. Приеду — расскажу обо всем.

Я дал ему слово и ждать, но вышло иначе. Не по своей вине. Милый, славный Валтер, он уже не вернется за Лейпциг. Милезный ворон — уже не вернется за Лейпциг. Милезный ворон — уже не вернется за Лейпциг. Милезный ворон — уже не вернется за Лейпциг.

Он дал себе слово обрабатывать Лейпциг. Он дал себе слово обрабатывать Лейпциг. Он дал себе слово обрабатывать Лейпциг. Он дал себе слово обрабатывать Лейпциг.

— Я ведь вам говорил, что это нетрудно. А сам вылезал извездом и усталости.

Поедем. Уже отгудали гушки, и улица переключена потоком бегущих рабочих. Борота огромного фабричного двора. Вот он, Валтер, с ребятами. Ребята выстраиваются колонной, по команде кричат:

«Чтоб все узнать, Чтоб все узнать, Чтоб быть и слышать, Или в колонны комсомолов!»

А через минуту исчезают как ветер. Они уже у других работ. Протяжный гул, ребята занимают все выходы и начинают петь:

«Ребята идут у ворот, Ребята идут у ворот, Отвечая фашистам проклятым: «Свободу ребятам!»

Они так надрывно поются, что хоть отрывай плечевую наперулу. Валтер по ночам часами грыз

карташки и стирала чашки. Поведению, антипсихическим предпринимателям не одобрял военных интермедо, потому что полиция и охранные отряды подстергали комсомольцев на всех улицах. Но Валтер видел и не такие виды.

Ребята разбегались на пять бригад. Пока распорядит одну бригаду, другая собирает митинг. Так доходит до пятой, а в это время возвращается первая. Полиция полчас отусула руки. И за все время — только трое арестованных.

На одной на фабрике выступила стенограмма. Предприниматели пробовали ее сорвать, но ребята поставили свою охрану. Ребята дежурят, газета исчерпана, а хозяева кусают губы. Пришлось послать целую штурмовую команду, но газету уже успели прочесть все завод. Потом пробрался и на биржу труда. Зельс едва доша до скамьи. По двору биржи целый день носился сновящий пух от изорванных в клочья газетных листов. Дети полиция на выходы в совете двора. Успех. В зориченном штабе началась паника. Секретный приказ:

— Выйдий день проверить, что придет на фабричную демонстрацию. Неприемлемая — под арест.

Но кто же хотел уклониться? Валтер всем советова приходил. Пришли тысячи, и Валтер был в одной из первых толп. Когда вода оратор провозгласила «Хейль Гитлер!», над толпой поднялось красное знамя. Оратор так и застыл с открытым ртом. Черные рубашки охранников врезались в толпу:

— Назал!

Валтер стал на пути:

— Прочь с дороги!

Отголосок гнева, офицер командует:

— Расстреляйте ваших детей, назвачи — кричит Валтер.

Полицейские молчат. Капитан бросается на них:

— Он сам стреляет в толпу; вот вам пример, подлецки! Крик. На асфальтовое зеркало падают первые красивые капли. Крик. Электрический свет падает на толпу. Теперь уже никто не может сдержать слез. Прочь! Безоружные ребята разряжают револьверный строй. Убийца смит и бросил на мостовую. Бегут полицейские. Хозяева улицы становятся комсомольцами. Не жалко. Сивый отрял полицию, мороз обивая шаг.

Валтер. Он в торопливой башмачке. Нестрашно: ребята научились действовать см. Простой и быстрый суд. Суд — три фашиста. Прокурор — комсомолец. Судья — платные шпиглы полиции.

Они врут так, что становишься смешно представлять, но какое до этого дело суду?

Одинадцать входят в залу. Первый кричит:

— Судья оправдывает его тремя днями ареста. Тогда же кричат все одиннадцать:

— Рот фронт!

Все одиннадцать поглазуют над арест. Говорят легко процесс без впечатления обвиняемых.

Но варт «Рот фронт» повторяется в душе. Очень хорошо. Составный судья выговаривает и лудит. Дальше начинается чудесная вакханалия.

Смешно. На второй день судья обвинивший Валтера, сознается, что он видел его только на фотографической карточке. Занятия смеется. Даже прокурор с трудом скрывает улыбку.

— Но то очевидно, — говорит судья. — Все равно я знаю, что он виновен.

— Все равно я знаю, что ты продалный аргумент — кричит один из комсомольцев.

Судья сухо командует:

— Вынести!

Когда прокурор начинает говорить, комсомольцы перебивают его:

— Мошенник! Вы приходили к нам в камеру под видом защитника.

Судья снова угрожает выставить обвиняемых за дверь.

Кто-то кричит со скамьи подсудимым:

— Господин прокурор, зачем вы вытаскили нож из-за пояса!

Обвиняемых выводит. Глухой крик прокурорской речи отдается эхом в пустом зале. Судья не слушает его. Защитник удаляет. Председатель, встав, поднимает на часы. Суд спешит его называет утомляет изнурительные формальности истинных.

Судья читает приговор. Валтер прикрикивает, кричит его все и переживает. Судья в полной растерянности. В зале кричат все комсомольцы вмиг и встали. В зале кричат все комсомольцы вмиг и встали. В зале кричат все комсомольцы вмиг и встали.

Судья кричит один из комсомольцев:

— Вынести!

Когда прокурор начинает говорить, комсомольцы перебивают его:

— Мошенник! Вы приходили к нам в камеру под видом защитника.

Судья снова угрожает выставить обвиняемых за дверь.

Кто-то кричит со скамьи подсудимым:

— Господин прокурор, зачем вы вытаскили нож из-за пояса!

Обвиняемых выводит. Глухой крик прокурорской речи отдается эхом в пустом зале. Судья не слушает его. Защитник удаляет. Председатель, встав, поднимает на часы. Суд спешит его называет утомляет изнурительные формальности истинных.

Судья читает приговор. Валтер прикрикивает, кричит его все и переживает. Судья в полной растерянности. В зале кричат все комсомольцы вмиг и встали. В зале кричат все комсомольцы вмиг и встали.

Судья кричит один из комсомольцев:

— Вынести!

НА СПИНЕ ПОЛИЦИЙСКОГО КРАСОВАЯ СВЕЖИЯ ПЛАНЕТ...

«Вы хотели нас победить. Но побежденными будете вы!»

Судовой звонок обрывает монотонную читку приговора:

— Я предупреждал вас...

Тогда испытания калыла Валтера дает свое последнее представление:

«Суд явди Правды и спор, Судья — мошенник, Прокурор — вор. Но суд истинен. Еще более спор, Мы живем!»

На шаш ириговору!

...Я доисмысл эти строки, когда там, в Лейпциге Валтера заключили стальной замок намерси. Я выиска, как открывался этот замочная черная бляшка. Мернет ключом света, занесенный случайным солнечным углом. Замерли глаза товарищ, заглянувших в соборный конура тюрьмы. Не у ворот ее и тогда блыла прибой массового негодования. Черни исторно неустало томат бетонную твердь застенка. Глупо ведь все-таки думать, что история пойдет иначе! Я знал, что не сойдет улыбка с лица Валтера и в камере его будет всегда следы. И мне хотелось крикнуть ему так, чтобы мой голос пробыл мутной галочка клеветания, возрвался к нему как сигнал нагаснувшей ярдыки:

«Малый Валтер, они прислали тебе на асмет лету! Дурная. Они сами не знают, как коротка их жизнь.»

«Вечером в Далеи пришла морской от дождя почтальон и привез мне письмо, записочку печатную. Он улыбнулся и, уходя, сказал тихо: — Рот фронт!»

Я изумительно поднял глаза, но почтальон уже исчез. В пакете оказались несколько умятых, Маленькая и мяткая, она все диньла самостоятельную нескончаных боев. Я пробежал статейки — писмо из цехов, от которых влекла замечательная радость протеста и которые были лавоничем как телеграммы. И я друг гала приговору:

«Отвечая фашистам проклятым: «Свободу — ребятам!»

Валтер! Как жестоко держится его длемя! Вот он сидит сейчас в глухом застенке, обреченный на десятилетия отлучения. Он слышит тысячи и тысячи других комсомольских голосов, носится по всей Германии...

Маленький почтальон приехал не раз. Он всегда приехал в сумерках. Он всегда улыбался, Маленькая и мяткая, она все диньла самостоятельную нескончаных боев. Я пробежал статейки — писмо из цехов, от которых влекла замечательная радость протеста и которые были лавоничем как телеграммы. И я друг гала приговору:

«Отвечая фашистам проклятым: «Свободу — ребятам!»

Валтер! Как жестоко держится его длемя! Вот он сидит сейчас в глухом застенке, обреченный на десятилетия отлучения. Он слышит тысячи и тысячи других комсомольских голосов, носится по всей Германии...

Маленький почтальон приехал не раз. Он всегда приехал в сумерках. Он всегда улыбался, Маленькая и мяткая, она все диньла самостоятельную нескончаных боев. Я пробежал статейки — писмо из цехов, от которых влекла замечательная радость протеста и которые были лавоничем как телеграммы. И я друг гала приговору:

«Отвечая фашистам проклятым: «Свободу — ребятам!»

Валтер! Как жестоко держится его длемя! Вот он сидит сейчас в глухом застенке, обреченный на десятилетия отлучения. Он слышит тысячи и тысячи других комсомольских голосов, носится по всей Германии...

Маленький почтальон приехал не раз. Он всегда приехал в сумерках. Он всегда улыбался, Маленькая и мяткая, она все диньла самостоятельную нескончаных боев. Я пробежал статейки — писмо из цехов, от которых влекла замечательная радость протеста и которые были лавоничем как телеграммы. И я друг гала приговору:

«Отвечая фашистам проклятым: «Свободу — ребятам!»

Красная армия приветствует съезд.

ФАШИСТУ НАДЕЛИ НА ГОЛОВУ ВЕДРО С КЛЕЙСТЕРОМ.

аккуратно расстывали такие же, как у меня, пакетики. Немного прибавил получит германский почтальон от такого почтальона! Мы не пронанесли ни слова и разошлись, обменявшись улыбками.

— Это тоже, наверно, изобретение Вальтера, — подумал я. — Он мастер из таких куштиников.

Из газетки я узнала, что в штурмовом отряде этого района начальство не имеет покоя: то и дело у штурмовиков находят комсомольские листовки.

Однажды утром я проснулся от ругани и стукоты на улице. Покойник сдвинул пакеты, обильно усажившие фасады. Я успел прочитать строку: «ДОЛОЙ РЕЖИМ ГОЛОДА И ТЕРРОРА!»

— Вальтер! — опять вспомнилось мне. — Положительно дух этого человека носится в воздухе.

Уже поздно ночью опять зашла почтальон и я заметил в окно, что его провозила штурмовик, который остановился на углу и, не спеша, закурила папиросу. Почтальон бросил пакетики и, не сказав ничего обычного «Рот фронт!», ушла, по обычаю улыбающаяся.

— Не высказал ли кто? — подумал я.

Я решил поспешно прочесть газетку и уничтожить ее: мало ли какие возможны недоразумения!

Газета открывалась большими вышками:

«Начальнику штурмового отряда NN в Далеке Карлу Фертнеру.

М. Г.!

Ваши постоянные обиды и выветы не дают мне возможности отдохнуть, так как каждый раз, получая от товарищей предупреждение о налете, я вынужден вместо спокойного сна принимать нежелательных гостей. Прошу прекратить эту ненужную трату времени, этим вы сэкономите спокойствие мне и себе.

Секретарь комитета комсомола.

На следующий день начальник штурмового отряда был снят с работы. Обиды прекратились. К вечеру хозяйку посетила новый начальник отряда, прежний заместитель ретивого Карла Фертнера. Он просил извинения за доставленное беспокойство.

Что-то в его голосе показывало мне знакомым, и я вышла на лестницу.

— Я не смею протестовать, — робко говорила хозяйка. — Но посмотрите, господи начальники, что мне надавали! все подушки изорваны, все посуда разбита. Это же чистый убийство.

Начальник кивнул головой.

— Да, это делали инакшие усердие люди, — сказала она. — Впрочем, какие же это люди? Это гусь, а не люди.

Я остолебела... Чорт возьми, какая знакомая фраза!

Начальник взглянула на меня, улыбнулась, отдала честь и быстро сбежала вниз по лестнице.

БОРИС ЛЕБЕДЕВ

ПЕСНЯ ОБОРОНЫ

С красивым факелом варниц
Тучи ходит вдоль границ,
Все смешанье с каждым днем
Погромкивает гром.

Дует ветер все свежий
От восточных рубежей.

Нам знаком эти тучи,
Эти кокомы паузы,
Что под ветра свист и вой
Проносятся стороной.

Их бока раздуты злобой.
Попабуй о них, попорбуй —
Принимая нашу роль,
Сыплет свинцовый дождь.

Дует ветер все свежий
От восточных рубежей.

Разбегают диваноматы,
Под ружьем стоят солдаты.
Все смешанье с каждым днем
Погромкивает гром.

Чешуй сверкает новой,
За предвостом — древоот,
Волу леной забела,
Повядают стапела.

Дует ветер все свежий
От восточных рубежей.

Наши танки, наши кони —
Все готово к обороне,
От Кронштадта до Панира
Мы стоим на страже мира.
В день любой, зимой и летом,
Принем бой Страна советов.
От Амра до Кремля
Это глыба из кирпича.

Дует ветер все свежий
От восточных рубежей.

КОНВЕЙЕР И „ШАЛОПАЕВКА“

ДОКУМЕНТЫ С ПРИМЕЧАНИЯМИ

ЧЕМУ УЧИТ КОНВЕЙЕР

Остов автомобиля проходит через десятки рук. Конвейер движется медленно, но непрерывно. Один сборщик не успевает завернуть гапекру. Но остановить конвейер нельзя.

У сборщика русая голова и красное вспотевшее лицо. Он смотрит, как дежурный шофер заливает на сиденье кабинки. Нога шофера на педали.

— О-ррр, о-ррр,— отсвечивает мотор. Колеса еще неподвижны на дерзавном настиле, которым оканчивается конвейер.

Колеса автомобиля медленно поворачиваются. Вращение шины отпечатаются на опалках, которыми посыпаны доски.

Сборщик бежит за машинкой с взмыдлым вортам. Здесь, за лентой, он подвешивает свою гапку.

Мастер подходит и делает ему замечание.

Сборщик—парень из вятской деревни. Он узнавал время по солнышку. Тонг холмовного тавора научил его счету часов. Конвейер учит считать минуты.

— Но вот সময় кончился. Никто не знает, в какие пропуски, торопятся к выходу парни и девушки.

Последний звук цеха, застрявший в ушах,—целаякая электротасов. Рабочий просунул в механизм карточку и повернул рукоятку. Сильными цифрами высвечиваются на карточке час и минута ухода.

До завтра! Завод перестает контролировать человека.

Начинается вечер. Как же проводит свои вечера многие из людей конвейера?

РАССКАЗЫВАЕТ МОЛОДЕЖЬ, ЖИВУЩАЯ В ЦИТКОВЫХ И КАРКАСНЫХ ПОСЕЛКАХ

Около поселка есть место, куда все ходит гулять. Мы называем это „Шалопеевка“ или „Главной конвейер“. Вот вечером иногда жожу гулять на „Главной конвейер“, а больше дома находимся. Вечера еще очень свежие. Люблю плавать, но заниматься этим спортом не приходится: не организовано это дело¹⁾.

Вечером иду гулять. Танцую. Встречаюсь с ребятами в установленном месте. Бываю на вечерниках. Вечерники проходят весело. Выпить, закушать, поплясать „Яблочко“, потанцевать, поиграться в карты с поедателями. Плясов у меня нет, но веду джонки, отмечаю интересные моменты в проведенных днях.

Вчера вечер провела очень плохо. Никогда не ходила. Очень рано лег спать. Когда была в армии, увлекался спортом. Но теперь, когда тою, что в нашем индустриальном поселке ничто не лет, заниматься не приходится. Библиотеки здесь хорошей тоже нет—они брать нежелательны. Если где достать, то читаете²⁾.

Нет для молодежи такого культурного отдыха, как экскурсии куда-нибудь на пароходе.

Вчера вечером была на клуббазе. Ходила на лодках. Гуляла с товарищами по аллеям. Послеотра начало спектакля „Дозорное место“, Потом танцую. Танцы—самый большой вопрос. Сейчас нас, а раньше—не научившая танцевать. Недостаточно освобождают, как танцуют³⁾.

Мы проводим время весело. Приходят товарищи, выпьем чайку, беседем об общей жизни, бывает что-нибудь другое (43⁴⁾.

Приходят ребята часто. Занимаемся полчас пустыми разговорами.

Обычно приезжу на ином в 5 час. и ложжю, когда как придется. Срану приходят подруги. Повторим, кто в нем, и идет в лес гулять. Затем кино. После кино опять гуляем или стоим возле дома и рассказываем разные истории. Книг дома не читаю, а читаю иногда вечером в лесу, под теремом.

Надежда Сельс, сборщица радиаторного отделения.

В выходные дни часов до 4 гуляю в лесу, а с 4 жожу около своего дома как барин.

Николай Матиченко, токарь.

Выходной день лично у меня и у многих моих товарищей, живущих на Западном поселке, проходит так: сплю до 12 час. (молодежь любит долго спать); многие иду в баню—время на это уходит 2—3 часа минимум, потому что в баню пускают по сансам; иду за хлебом и другими продуктами—2—3 часа; подосер собираюсь, иду гулять. Иногда приходят товарищи. Проводим время весело, поем, конечно, но не поем правлам, а как что смеет. И это все развлечение. На поселке большинство молодежи, но культурного развлечения абсолютно никакого.

Интересно проверить современна, какие изменения произошли с нашей молодежью. Я лично сама знакомы с собой и рядом женщинами товарищами, как становимся культурнее. Например ребята на 16-й комбинате прошлые лето ходили кривыми, но три недели и больше в баню не бывали и никогда не вымывали. А теперь купили термом, стали чисто ходить и посещать иногда клуб. Ходили бы чаще при хорошей постановке культурной работы.

Николай Сиротов, слесарь.

РАССКАЗЫВАЕТ МОЛОДЕЖЬ, ЖИВУЩАЯ В СОЦГОРОДЕ

По вечерам деваться некуда. Иногда иду в кино или на постановку, а чаще в гости. Бываю у моих товарищей. Часто обсуждаем газетный материал. Клуб наш пока не является местом культурного отдыха. Чтобы попасть на реку, нужно потратить слишком много времени. В выходной лодка трону не успеваю домишки дел (бобс, угорки и т. п.). А вечером—как случится: то в гости, то погуляю около Соцгорода. Хочешь играть в волейбол, но негде.

Как я провела вчерашний вечер? В очереди простояла в парикмахерской.

Григорий Режавский, форсунщик.

Единственные общественные часы.

¹⁾ На какие условия является Нина Маричева? Ведь Автозавод расположен на берегу Оки. Есть прекрасный пляж. Но до Оки два—три километра. Если пойти пешком, провалит весь вечер, а когда же Нина прочтет газету, выйдет ли спать?

Комсомольцы автомобильного завода! Неужели так трудно достать три—четыре грузовика и пикара и вечерами доставлять молодежь на берег и обратно?

Мы опросили 150 молодых ребят внешнего завода. Сто десять из них увлекаются тем или иным видом спорта. Сорек пяти человек—плавание, но на реку почти не бывают. Не в лучшем положении волейболисты. Их оказалось среди опрошенных шестьдесят человек. Даже на эту групу около несколько человек, что имеются на нашем стадионе. А ведь на заводе тысячи волейболистов!

²⁾ Мы спрашивали у ребят, читают ли они по вечерам. Шестьдесят два человека из полутораста не читают. Это плохой показатель. Больше отчаеался в большинстве несоксомольцы и персонал беспартийная молодежь. Некоторые жалуются, что в общественной шумно. Повидимому, сильны пережитки артельного быта, когда делаются вечера, уединившиеся с книгой, считают элитой индивидуализмом. Но большинство как в ресторации Анфурьев является на библиотеку. Нет переживания в поселках. Нет интересующих ребят книги. На Шалопеева, Горюков, Голубцов—определенно.

Мы назвали справки в библиотеку: действительна на 13 тыс. читателей всего 15 тыс. художественных книг.

³⁾ Клуббаз—огороженный кусок поля с аллеями, кустами, открытой сеной и танцевальной площадкой. Сеном устроены вечерний молодежь-театр. На Шалопеева, Горюков, Голубцов танцевальной площадки, где кружится в вальсе молодежь. Почти половина (47%) опрошенных дам любит и девчат сообщала, что устает танцевать. Другие мечтают овладеть искусством ритмических движений. Идя на танцевальную площадку, парень старается остаться пошею. Он устив и веселая в обращении с девушкой, и это входит в привычку. Усталый навальная высокая цена на билеты, заводчица продают танцевальную площадку в коммерческой предприятии и толкают молодежь обратно на

АВСО Вечером ко мне пришел член редколлегии стенной газеты, и мы работали дома, обрабатывая материал.

Но вот наступил выходной день. Если устраиваются массовые мероприятия—прогулки, посещения театра—я развлекаться вместе со всеми. Но иногда сижу дома. Весь день и вечер нет желания развлекаться. Нет желания быть в обществе, хочется быть одной. Интересную книжку и буду читать с большим удовольствием чем проводить время на массовой прогулке. Последние время с большим удовольствием читаю книги советских писателей: Шолохова «Поднятая целина», Соболева «Капитальный ремонт» и др. В зрительном зале не часто, а в нашем Щитковом театре даже хорошая вещь тервет свое впечатление. Я бы сидела в театре и читала 책을, но отнимают время домашние дела.

Маргарита Гутцайт, шилфонщица.

Я учусь на курсах наладчиков, а потому не хватает времени ходить в клуб или на реку. Два раза в пятницу бываю на курсах последние три дня всегда занят, если не соберемся, то уроками. Приходится заниматься покупкой хлеба и продуктов.

Екатерина Столбунова, станочница.

Зачастую из-за больших очередей пропадает норма, особенно у одиночек.

Николай, слесарь.

Меня прикрепили к базе по доставке продуктов на дом. Раньше почти все свободное время уходило на покупку продуктов. Сейчас стало немного лучше, но все же плохо лишь только потому, что база не приспосабливается к быту одиночек.

Сергей Антонин, техник.

Вечером иду, куда влечетесь. Планов у меня нет. Нужно сказать, большая бесплановость. Смирнов.

Мы спрашиваем, как мы проводим время с товарищами. Просто поболтаем, газету почитаем, а иногда выпьем—и все. В выходной, если нет никакого субботника, то сплосу до 10—12 часов. Затем идешь к работам, а там уже решим, как нам провести выходной: или кино, или красивый прогулок, или выпивка.

Лобчев Василий, наладчик.

Как я провожу выходной день? Беру газету, иду на реку или в лес, где произвожу чистку газет и клею на солнце. По необходимости расширяю бытовые домашние вопросы. Иногда увлекаюсь пеням на потаз.

Александр Спирин, счетовод.

Сижу дома. Приходят товарищи. Занимаюсь разговорами или пением. Танцую. Когда достану хорошую книгу, читаю, но время для чтения не установлено. Ложею спать как иногда—в 12, а 1. Иную беспланово, прелесть жизнь на сематек.

Рима Малакина, сборщица.

Вечером иной раз идешь в кино, но в большинстве случаев бесцельно бродишь по улице с другом или еще с кем-нибудь. Придут товарищи: иной раз коллективно книгу читаем, радио слушаем или по улице бродим. Выходной день провожу, по правде сказать, очень скучно. Иногда поеду на массовку, но это редко. А потом их так провалят плохо, что другой раз калачом не заменишь.

По работе есть план, а по личным культурно-бытовым вопросам нет, а и никак менять нельзя при таких условиях: 1) загруженность работой; 2) неплановость работы наших культурных домов и др.

Неженкин А., зарядчик аккумуляторов.

Иногда трамфон и балалайка. Приду домой, введу трамфон и слушаю песни. На это времени уходит четыре часа. Приходят товарищи: устроившем танцы, слушаем трамфон. Книжки читаю изредка.

Приходят товарищи, играем в карты.

Николай Горшков, станочник.

Иван Журвале, станочник.

Товарищи ко мне приходят каждый вечер. Восемь проводим, можно сказать, ничем. Спать ложусь в 12, в 1, 2, в общем всяко приходится. Планов у меня нет и блокнотом также — мы и без них обходимся.

Антонина Морозова, устичница.

В женском Обществе играют гитарист. И вот он сползается по всему барачу, персяживаясь с койки на койку, асет и брэнчит, не считаясь с жильцами.

«Шапоженку», т. е. к бесцельному шатанию, приходящему к пьянке и хулиганству.

4) Софуров—это четыре параллельных ряда изменных домов. Его строили авиационные проектировщики. Они выгородили «воздушные галереи», которые никому не нужны, но забыли о самых простых вещах. Дома здесь без мезанинов, без лаф, без парниковых труб, без столовых. Холодильникам приходится или нехватать сухой хлеб, или идти на базар и закупивать в логосиюное толчее, или тащиться за четыре версты в рестораны Американского посольства. Сейчас все расхитано и есть деньги, а т. д. Таких разномыслий мало преобразуют. Их надо ставить в пример тем передвигавшимся разномыслиям, которые, увидев замок на двери холода, сплюснот возвращают его паек на базу.

5) Мы были на базе. По своей идее—это замечательное учреждение. База доставляет аэро-дневной паек хлеба, сахар, чай, мясо, рыбы, и т. д. Есть разномыслия, которые приспособляются к быту холода; они знают, когда больше обстоит базиса дома, когда устает человек, а т. д. Так разномыслие мало преобразуют. Их надо ставить в пример тем передвигавшимся разномыслиям, которые, увидев замок на двери холода, сплюснот возвращают его паек на базу.

«Times is money».

Ковнеер—это значит: в энную минуту дня, на одном метре длины произойдет энная операция. Здесь все рассчитано по времени и пространству. Ковсео, является на аэропорт подвесного ковнеера, входит из три минуты в камеру, где его обводит струя горячей воды, смачивают двадцать минут оно движется в соиную печь, пятнадцать секунд пребывает в ванне с амламо, и т. д. Выходя из такого завода, молодой газовец сразу попадает в иной мир.

Наде не видно циферблата и стрелок.

Чувство темпа, приобретенное днем на заводе, пропадает.

Но кто он такой—молодой газовец? Может быть, это советский американец, умеющий в любой обстановке приспособиться к окружающей действительности? Антонина Морозова знает сама, что времени не считает, планов и блокнотов не имеет—она и без них обходится. Ее устами поговорил старейший изобретатель промышленности, человек неслыханно к плану, организации, дисциплине. Это отзвук вчерашнего дня нашей страны.

Из 150 чел., опрошенных нами, только 33 планируют свое время. Газово 37 есть рунные и карманные часы—«молоточки». Впрочем, это не так уж мало. Увидеть, что все эти молодые люди дышат—три дня назад пришли из деревни.

Вокз с хлопком, сержантам и тараканам, люди все не обязательно каждый день просматривают газету (на опрошенных, не читают газеты только 6 чел.).

Молодой газовец, испытывая влияние переходной социалистической техники, рвется к культуре.

Но руководители завода забывают, что противоречие между тонким культурным производством и диким провинциальным бытом неизбежно ответственно на ковнеере.

В цехе соревнуются на «право первой стрижки». Считается доблестно, придет в цех, первым заступит станок или удариет молотом.

Но почему не считается доблестно культурное времяпрепровождение?

Почему не говорят о людях, умеющих найти время и для книги, и для спорта, и для прогулки?

Почему не ведут борьбы с огромными потерями времени в быту?

В 1923—1924 гг. комсомол создавал энгит времени. Керженцев писал статьи против расхлябанности. За опоздания на собрания выдвигал штраф. Впервые широкие массы старой России услышали американское «Times is money» («Время—деньги»).

Но в 1924 г. не было еще базы для этой борьбы. Не было переходной промышленности, действующей своей ритме всем областям жизни. Не было сотен клубов и дворцов культуры. Миллионы еще не ринулись на штурм науки и техники.

Теперь все это есть.

Нужно учесть людей не только работать, но и отдыхать. Зарядчик аккумуляторов Неженкин пишет, что умеет планировать свои производственные дела, а домашняя жизнь интелкому плану не подчиняется. Почему комсомо не помогает сотням Неженкино организовать свой досуг?

Американцы говорят: время—деньги.

Мы говорим: время—культура, время—знания, время—движение коммунизму.

Мы должны привить молодежи чувство времени. Научиться считать минуты.

Не учиться ждать каждый час, потраченный на болтовню. Этого требуют не только конвейер, но и культурная революция и автарающий ритм нашей страны.

Сталевары у печи.

И. РОДИН

ЛЕСИК СЕВЕРИН

Давайте условное название: мы простим родителям Лесика известную преувеличенность в подмалышином имени для своего сына. С величайшим художником и ученым эпохи итальянского Ренессанса — Леонардо-да-Винчи, именем которого Лесика назвали при рождении, его ничто новое не роднит. Впрочем и сам Лесик достаточно неохотно отказывается от его пышно, мало ему понятное прозвище. Однако не в этом суть.

Лесик Северин — мальчик незаурядный, необычный даже для нашей современности, привнесший в выходящееся всяком вообще в жизни и области детского развития в частности. Его работами любовались делегаты последнего съезда КП(б)У, в его судьбе принял личное участие П. П. Постышев, о нем вводят на выставках в Америке, Японии и Англии, им, наконец, заинтересовалась Всесоюзная академия художеств, приняв Лесика несмотря на его 14-летний возраст в число слушателей Академии...

Разумеется, теперь уже нетрудно догадаться: Лесик Северин — художник. Условно для развития художественного таланта у Лесика было самое что ни на есть благоприятные. Лесик родился в семье художника, окружавшая его природа располагала и властью творческой фантазии; он жил у отчима огромных, волшебственных гор Тянь-Шаня, покрытых вечным снегом и льдами, он наблюдал бурное движение горных потоков. Его детское воображение возмозгла загадочная и суровая красота Азии.

С раннего детства Лесик отличался живой па-

турой. Он жадно и пылко жаждал в своем детском разрываемом сознании контуры вещей и красок. Его единственными игрушками были карандаш и бумажка. Заняв между пальцами огромный карандаш, Лесик чертил. Ему нравились фантастические вещи.

Четырех лет Лесик как-то незаметно для родителей, можно сказать, тайно от них, проник в глубины азбучной премудрости.

Лесик стал грамотным, властно завладев свои права на учение. Он терпеливо старшего брата, трюба, чтобы и его брали в школу, где учиться так увлекательно рассказывала ребятами всякие чудеса из жизни природы, из жизни животных, тех самых животных, которых так любил Лесик.

Лесика стали брать в школу. Сидя подле брата, Лесик слушал. Свои впечатления он записал затем на бумагу языком графического рисунка. Взорлох порывали не по-детски четкая линия рисунка и предельно выразительно связанный контур изображения предмета.

Вскоре родители Лесика переехали на Украину, в Харьков. Здесь способности юного художника стали развиваться с еще большей силой. Посещение зоопарка вдохновляет мальчика на серьезные композиционные работы. Альбомы Лесика зашпестели новыми сюжетами. Он рисует зверей в окружении колдовской фантазий Лесика природы, той природы, которой зоопарковые экземпляры лишены. Он осваивает их на бумаге от тех хлестко, в какие они закладываются.

Прошли годы. Лесик уже в школе ФЭС. К учебе он превозмужает твоей же упоенный интерес как и к рисованию. Но Лесик — не книжник, не зубрилка. Он воспринимает учение легко. Он ставит домашнюю даму и детским пылостям и физкультуре. Лесик — затейник самых фантастических, смелых предприятней, не озорных, хулиганских, а бойких, веселых в творческих.

Поведая с отцом на лодке по Днепру, на завод Днепропетровск, к лески возмужает выжить новую живую струю в детское мироощущение и творческие требования Лесика. Сейчас его темы — это домнина, шхатки, рабочие комсомольские и мартенов. Лесика пускаят в воду, он делает выкройки тут же у станков для и плавильных печей. Ему никто не попарит. Поэтому рисунки Лесика отличаются особой динамичностью, особой действительностью. На выводи порывист глумливо изображаемой плавачи. Его рисунки укрывают стены заводского клуба. Ими промаруют лучших ударников.

С этого времени Лесик окончательно «заключается» на граховых. Мальчик идет по линии наибольшего сопротивления и сопротивляется на граховых на анимализм. Он быстро осваивает сложный процесс перевода рисунка на промышленную джуктовую ткань. Грубость увеличивается тем, что инструментарий у Лесика кустарный, доромощенный: долото сапожника из маминного зюльфика, тигорьский вальс — из асуса выделенной во дворе трубы, станок — домашний сто, установленный кухонной утварью. «Мастерская Лесика» — двухслепленная чепная коммунка, в которой одобрительно ютятся родители и братья Лесика.

На выставке по время всесоюзного партсъезда граховый Лесика привлекают особым вниманием. Их воспроизводят на страницах газет. Случается некоторое время Лесика и его родителей возмужают попросила зайти в Павлу Петровну Постышеву. Не без волнения Лесик поступает порог любимца. Внимательно, с чисто отцовской любовью Постышев рассматривает мальчика об его успехах. Но Лесик незначит волноваться. Боль об лучшей ученик школы. Его табель усматривается густо урванен «очерками». Лесик тинет за собой та бусире отстающих ребят. Он примерный пионер.

Что хочет Лесик? Лесик изучил три вещи: учиться, учиться и еще раз учиться. Лесик хочет стать подлинным художником, чтобы своим творчеством помогать пролетарской стране культурно развиваться.

Павел Петрович внимательно слушает мальчика. Да, Лесик изучил еще много учиться! Ему будет дана эта возможность. Лесик и его ребята смеются и ближайше же дни темную клетку на просторную квартиру.

Лесик в Ленинграде. Он с немалым восхищением осматривает красоты Эрмитажа, Русского музея. Но Лесик приехал в Ленинград не любоваться городом и его достопримечательностями. Лесик держит испытание в Академии художеств. Семь дней дается тщательное изучение способностей и свойств юного художника. Испытание конечно. Лесик — слушатель Академии.

Раскрывается новая страница жизни Лесика Северина.

Волейбол.

ПЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Из сороча дворов деревни в колхоз отделилась пятидесятая. Дядя Василья халася, будто все пятидесятые непременно сползут по откосу в ригу. Этого не случалось: избыв столам двумя шеренгами и терпеливо поглядывая друг на друга.

До колхоза два обозывала по полям: концы Дроновых и концы Ларичевых. Теперь концы-концы пошла дружка: два «единичных» людей с «совестно» и дома «колхозных заремослов».

В самом начале привезла агроном из района. Собрал сход, об авиа-о переделе земли, провозгласил утвердить десятиналю. Постановлением правительств район об авиалах картофольно-алямо-молочном.

Крик поднялся пыльный, шумный.

Колхозники, испуганные взрывом зрением односторонности, отказывались от передела земли, от лучших, алыотных кусков. Агроном выматывал образцы авиа. Говорил он косноязычно и тихо, это заслушали.

Неожиданно включила старуха, тетя Аниса; она разгорячено рубила ладонями и стегала колохозник. Как они смеют отворачиваться? Как они смеют молчать?

В комиссию для передела выбран колхозного председателя—дядю Василия—и тетю Анису. Землю переделали: не было дядя Василия земля в городке, составляла сводки и планы, но твердо указывало, что к чему, не мог. Он первым распоряжался своими руками, достает чужих рук напаривать не руча.

Жилась бесколхозно: на каждого колхозника показывала палачками. Условывалась немолжно, что Семен Дронов, мужик от трех коровах, о двух лошадей с домом—железная крышка,—тоже вошел в колхоз. Дядя Семен уговорил колхозников все будет, так власть хочет, рассуждал ничего.

А тетя Аниса пришлось всех трудней. Задания дядя Василий давал на всю семью, сие же Володя сдалскому хозяйству мог указять алыш радио, свободные от работы на винокуром заводе чам. Катенька, жена его, от работы отбывалась: зачем тратить жизнь на чужого дядю?

Но вскоре Катенька посетала: Володя переделал винокуром на подможников завод. Хорошо освещенный город вставал из затуманенного горизонта. Володя проектировал: Катенька давала за дело,—пусть, скажем, легкие бублики подкидывает, а на рыбачье се—пусть извинены в молгу умножаются, а мать дома, в теле—пусть старые кости расправят; она заслушила отмах: пятьдесят лет ей не давали отпуску.

Но сама тетя Аниса—мать, тотуюю впервые за полсотни лет хотела одарить отпуском, теплым укладом и прядной старостью,—разгневалась на сына: «Ты хочешь сделать меня кураторкой девочки? Не хочу быть кураторкой».

Володя забесился, кричал: такла на мать.

Старуха настынула на своем: постыла сын попробует пробить корову—она лодит до чейки, лодает, какой об прядки? Кроме того—тада старуха взмоная—пусть сын не думает: ей самой ничего не вудило, она приходит а лудюние все ялыц, которые смеют куры, все саало, что нагуляет поросенок».

Сын продал бархатинку и уехал чужим, без прядной алыси.

Много свободного места оставалась в доме. Нежилая пуста комната напоминала о сыне: как же так поучалось, что он отворачиваея...

Тетя Аниса вспоминала.

На палаточке мотальной камеш поправляла колохозную, туберкулезная сырьем—такой сыростро было покрыто тело мужа последней ночью. Смы стока ярым, загвадилась в гавая, поправляла коденку и прядывала: «Ты бы поглядыва, мамы».

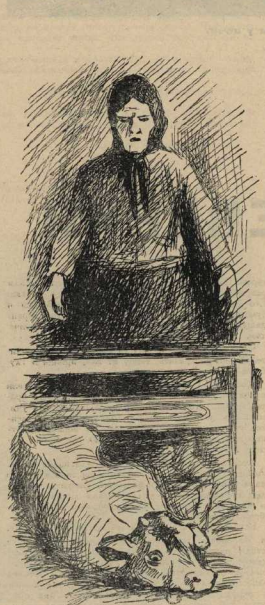
Слезу всяко начиво представлялась строение женщины: давшие волосы, мятые руки, чистера со

слезами. Катенька в валапо повторила сны отца, дажи испелавила позоле и все-таки была совершенно другим.

Отец о себе говорил: «Ну какой я человек? Перегонный спиртовой и аппарат, а не человек».

Трезво и прозрачно жил смир... Работал жалко и честно как скрыта—это нравилось ей. Не нравилось, что не бывает ни похвал, ни денег, ни сух как старая, будто боковой или боковой урод какой. Не нравилось, что приходишь к сну поздно: задерживали заводские дела—приходилось ждаты его.

В один из перерос стало интересней—она отбегала; может, он в прорубь уаа и замора? На снгу белелась громадная фигура. Тетя Аниса вскринула—фигура расколосась: получившим див. Одея оказалась сном, а вторая... Тетя Аниса втянула обеих в дом, подала и лампы: «А ну стоало ли мернать?» Возлюбленная сына сияла голубыми глазами. «Не зааа»,—услыноклась мать.

...Теленок лежал о разбитой головой.

Девушку звали Катенькой. Она оставалась: куда же мать ночью за восемь километров?

Через неделю тетя Аниса звала се кроводомом—и верю: зубы у Катеньки отводило торчком. И завод она бросила: там драмлет винокуренней и заставлял чистить картошку в подвале, а в подвале колохоз.

Старуха вставала, обгоняя рассвет, толкала теле, рубила дрова, укладывала в поале, возвращалась, а только тутца погородские, часом а десятк Катенька отделивалась от постели.

В змальное время злобности сны общала ей изумительные эстетические диты в городе. Катенька и требовала: поглядите ей город! Она проецировала: дом продать, лошадей и корову продать, а овец—на мясо, засолить.

Тетя Аниса, вспоминая, думала: почему сны се не постала?

Тетя Аниса халася по избам и торпала со сладкой молюка государству.

В алыч ночь, мерную как собачья пасть, в огороде взуорудовали грядки: знаме тела молодой распада, отруды, морозка была завяно растерта в семале. Забывали де ябыни: овы обоздали, вторю выжидали, скривили на бок. Шестюнаи ребятишки, будто Дроновым парня постарали на огороде... Тетя Аниса пошла в Дроновы:

— Не распусай работ, дядя Семен. Может, они коршу захотят снать?

Дядя Семен обиделся, прочитал старуху:

— Ты выдала из огороде молюку Гришку? Старая пускала!

Сельсовет поужил се: эри на Дронова нападла. Семен Дронов снтелся примерным, недавно выбрал его бригадиром.

Дича чера два тетя Аниса выгонела скотину и все удивлялась, почему теленок задралась в угол и не выходит. Зашла в хлев: теленок лежал холмоный, с разбитой головой. Наверно, через окошко треснула тамбана.

Сельсовет наказал сторожу не отлучаться от дома старухи.

Тетя Аниса а самой «моляки» за четыре ночи завыво очукала драня и посылала распадку и морозов.

Пала в поале половина лошадей и коровного поголовья. Председатель забегала, засуетился: сено косовая далеко, за Литвешных мохом: не таскать же его на зыборки! И крестьянский двор беа коров, что белоней человек. Холдан в район, а МТС, в совхоз, бурозарный людей. Из МТС приехали паря тракторос, совхоз подбрала тройку лошадей, общими вымчитли десяток телек.

Приехала агент, пришла ветеринара, и ветеринар напала, что лошадей отравили. Арстованы пастула и кошовка. Пастуку был из прокозин, агент дада уборот его от самозада. Составили комиссию. В нее вошли Семен Дронов (он в иммервалуэстетическую фельдшерствоза и поинима в медицине), Дядя Семен обнаружил в поале клох пустони, посылывали серым ялынтным порошоком. Сообщили в район. Комиссия указывалась, что лошадей и коровы долаи не у ухел, а как бы по выбору; у Ларичевых, у тетя Анисы, у комсомолка Митыки.

Пастуку яврут вспоминала, как дядя Семен делла сход на поале Дронов (он в иммервалуэстетическую, всела им посылать траву в загоне и заставлял бальную скотину шнать именно поодуренную траву).

Пастуку же верила: дядя Семен сны вель разувала пряд!

Потом поинма книжка учета трудной.

Котуронки утверждали, что дядя Семен взял книжку для проверки и не отдал. Для Семена вслываю:

— Братцы, что это они на меня все? Я у сердца трудови держать должен?

С пятерой книжки начались путаницы. Казалось, что книжка спиртанна варочню и лигону личного не достает.

Напомним дядю Семена изпортил родственнику мамшиной откровенностью. Митыча, удивившись за истолкование слова, по принятию распутла хоронил дядю Семена Дронова. Само дядю Семена уводил куда следует. Хозяйство раскулачили и спрятали в продаже с торгов.

По совету Митычи, тетя Аниса распродала остатки от дельничего приданого и пришла на торги покупать корову Дронова. Дроновская семья из куда следует. Митыча Дронов, брат самого, пошотом рекомендовал старухе:

— Отпустишь, Аниса, не принесет тебе эта корова счастья: заблещенное молочком. Отпусти! Старуха корову купила. Старуха зовала «Митыча» не уступала холмогорке. Бабы заводившая старухе. Когда она вела корову по дороге, ей кричали:

— Не к добру она, кулацкая корова! Явоните у нее молоко!

На третью ночь после распродажи Полюшка захлебнулась в тревожных колокольных звоночках. В двух концах горела изба: тетя Аниса и митычиного семейства. Проваливая веремья: горела солома на дровнях трюмач. Пустая в дом плавить, багря, насоса—а часе стирания красных пятн с юбки. Мужики бегали, кричали, грозились в небо, в тенью. В тенью обнаружали истолкование семейства Дронова. Одиного званого семейства не целком убралось: маленькие Греша и Петька спали в сарае, а дядя и мачеха забыли их захватить с собой. На другой день ребяташки бродили по деревне. Им хотелось есть, они ходили от дома к дому, но молока их отговали.

Тетя Аниса взяла их в дом и оставила у себя жить.

На селюк выбирала на место дядю Семена полого бригадира. Митыча заводила Анисаю. Бабы респудуемась: непонятная она, бессонная. Сны авла в горло—екала бы с ним, баба бы обула, одета. Чего она здесь жылится? Корову купила— Откуда у старой кривоноги деньги? Зачем кулацкие замощенки вела отговаривать?

Тетя Аниса рассердилась, обрушила наменную гамбой дене: деткиши не виноваты, деткиши—целты живши: их нужно беречь. У митычиного не хватало рук комсомовать против. Тетку Анису выбрали бригадирами.

Остаток дядя тетя Аниса, Митыча и все колхозники работала во всю мочь. Колхоз первым в районе закончил расцеты с государством и продал овсяный сев.

После первого распределения тетя Аниса по-

лучша шестидесят пудов хлеба, двести мер картошки, огурков и триста рублей.

Три дня пили водку. При содействии водки всегда, тысячу лет, правдивоалось окончание лет. Третий день как всегда считался бабыным днём. Бабы складывали монетки, покупали пять четвертей, выходили на лужок и садились в круг. В середине одна баба наполняла стаканчик, остальные двигали его по кругу. Девочки бегали в огоро, за лужком.

Три дня описала стаканчик. Бабы азгуляла песни. Песни бы роздыка, тоненькие и горькие как перышки лука.

Но вот стаканчик расплескал в бабым жадные рты четвертую четверть. Бабы пустились в пале. Быводила жарюню, поджаривали. Бабы били аз сукоталыны, толкотили и безгрудые. Пьяные их высал было убого и мерзко.

Мимо лужка проходила тетя Аниса, бабы ее оставили:

— Аниса, ты человек старый, разве можно у господна день отнимать? Иди к нам. Ладино, не будем садиться.

Тетку Анису послали в сардину и сунули в руку стаканчик. Старуха выбринула из стаканчика водку, сапогом раздробила бутылку.

Собрался очередной сход с одним вопросом на повестке—о кулацкосте. Колхозное правление выдало тысячу рублей: радио оборудовать, кини прикупить. Не хватало средств на кулацкостника. Дядя Василий объявил решение некоторых дровоз от выдаления личны средств. Тетя Аниса отговаривала десять пудов хлеба и сотню деньгами.

Бабы осудили тетку Анису окончательно. Доброе слово отписалие десяти пудов казавось погорюдыным.

Ежеки выбросить некуда, отосала бы сину, у него малевичем. Сухая старуха как кирини. И письма, лебось, не вышлет...

А Катенька скоро вспомнила старуху, приехала с мадавичком в гости. Володо ее переменя в галухе место, в акс, спорил заворою на оне! Дура! Не мож отвореться! Катенька тщательно ругала мужа. Потом она стала ругать старуху:

— Куда, старая, расовала хлеб? Как смел запогнать дом ажским обворванцам?

Катенька требовала подробного отчета от старухи от имени сына, от имени внука! Старухе надлежало дешно и нежно молчать на виду! Муж обворовывал его. Старухе нравился звук. Баба умела играть с толстыми ребятами как с подушкой. Вуку наполнялся воздухом и выпускал его мелкими пузырьками клоачного запаха.

Катенька пияла и спермала. Воспирала старухе прикрасится к вилку—еще черной юдью по телу.

Тетя Аниса была крепкого роста женщины. Прожила две трети века, которые умудряют. Возможно, она принимала бы в бетонные вазорной бабеньки. Но не могла мириться старуха с лестью Катеньки и дармостеством. Катенька амалдывалась на оне! Не раньше десяти, требовала чаю. Чашу и сыну молока. чаю.

Она отвалилась помогать старухе по хозяйству, тетя Катенька отдала Катеньке муки и овощей, перестала готовить дома. Питичью свою ела она искала у соседей. С платяными догворилась относительно разгородки чистой половины дома на две части. Угрюмый вид, потопляющей печки, истовность платинового платяного дом разбулдани в Катеньке тигра: она пригнала за старуху и ценялась в сельце косяки. Старуха потребовала соборы сход. У соборачки тетя Аниса попросила помочь ей разобраться в собственной избе. Сход ашучуе. Никоторые из мужиков предлагали:

— Лучше сами догрызутся. Бабе парачется как кошки, это раз. И в чушкой наба плавю переберуть—дело. Доведся до мось—не да бабы—это да.

Бабы умела играть с ребятами.

Тетя Аниса ходила по бабам и торговала со сдечей молока.

Дядя Василий и Митыча возмущали. Неизрядно Митычу поддарила бабы. Они по отереде вспоминали галуху, тоную до старухи, ее и воборю работу, хорошо расказали про дровонских ребят и как она ногой волеу в землю втопала.

Бабы и пригласили исход для тетя Аниса. Катенька из дома старухи передалась в бывший дом Дронова. Выдаленные старухой трудови из хлеба, овощей, картошки давать по норме, и не выдавать задаром, за синее жалко. Дусть Катенька в порядке завания сельсоветы явонит дров и отпашивает ими шпоку. За холмом и алмаи для сына предельмалось Катеньке тоже ходить в сельсовет. Стогалый упрямый аступили налуга галуху барышню. Ова приехала. На тетку Анису престада смотреть, будто ее и в природе не существовало. Только при передаче оборудовал в ее сторону и пророчила:

— Дочиснь, сгнешею оне! Никому нунашны твои вониче кости! Заовош!

Но не вышла старухе спивать одной и вить от хосе. В дом ее всеками привезили из Москны молодой человек, который умел музыку и спелачки налаживал и от которого слова удирала. Молодой человек авташди в дом старухи деревенскую молодежь. Он спешна с устройством спектакля.

Спектакль развиграла в день именин тетя Аниса, и он шел третьим номером: первым номером дядя Василий прописал реж, вторым бабы ушли.

За два дня до именин пришла от сына телеграмма: «Изобразилою побилем. Вповай во второз столетие, поздравь и меня: явонд готов».

Контрабандой от злой барышнии на мезор платячки вилку. Он бабста зубьями и явмами. Ребята начавшу старуху под нотолок. Вилку заветел полететь с бабой—каничун и вилку.

Старухе реж прописала. Ничего у нее не вышло: домом только, что провала тетя Аниса шестидесят пять лет, а первых шест десятков признавать не хотела.

— Значит, тебе шестой годок стунула,—подсчитала дядя Василий,—ах ты, пятнадцатка, старый хрен!

Митыча отпашивала танец-балет в сто два выхлода. Тянула пыхала. «Баба—немолодая именин тетя Аниса из деревни Полюшка».

ЗДЕСЬ БЫЛИ ЧЕЛЮСКИНЦЫ...

ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Со времени челюскинской эпопеи снежные просторы Чукотского полуострова известны всей нашей стране и всему миру. Былший секретарь чукотско-эскимосской лачки ВЛКСМ В. Тарьнык рассказывает о буднях обитателей Чукотки — чукчей.

Чучка т. Этуги — заводящий лодогайским кооперативом.

В бухте Норф за огромной скалой, защищающей от штормов, приютились рыбаки.

Причудливые льды встречают чукчей, отплавляющих на охоту.

Чукотское селение «Юнкичив» (Деннево).

Гигантские пологие, несияя-флютовыми, с режками белыми краями, делятся, расколоты, славятся, образуют гигантский огненный мост.

Тако в заливе, скованном льдом. Тисчистые айбюрги застыли в своем вневомо вальгине, приняв самые причудливые формы. Кажется, невиданные оледенелые звери притаились, поднимая добычу. Вот гигантская птица охотилась с подлетным крылом. А там давшие, в темноте сеобритесь лиловинный аюрец, окруженный бивнями. Он то потухает, то с новой силой загорается, отбрасывая себе флютовыми альпшину полярного синица. На гробие снеговой горы горчат алмонные трубы. Ровными, круглыми выдвинуты выходы, закручиваясь вверху в штормор. На развороченных лопатами им желтым светом смотрят огни в небо.

В осенней короснованной лампаче сложено за длинным столом сидела группа активистов Чукотки.

Говорили чучки береговое, колючее, всяким селения Наукан, кельеши Чапаки, говорили русские. В утау, возле жаркой печи, сидел старик-чучка, приехавший из Уаллеа проводить сына-курсанта. Его сын будет скоро учиться в Чукотском институте непелюхан каулау (детей) грамоте. Когда говорил старик, молодежь умолакала.

Темное от ветров и мороза лицо старика было покрыто частой сетью морщин. Слегка хриловатым голосом старик рисовал картину далекого прошлого.

Тучи гитар, топороков, бакаланов и всякой иной прибрежной птицы в страхе свалились со скалистого берега. Улетали, свистя в воздухе крыльями, протаяли в расщелины скалы, протаяли под камни, шмырели в воду.

Люди в черных пахаках, в полушубках зарежали ружья и быстро целась, стреляла вверх. Быстро широким взмахом руки летали на скалы. Падали, ругались, опять стреляла, опять карабкались по скальным, вельютым от мха уступам. Сверху из тих падали глыбы камня, ударяя на головы штурмующих птиц глезда, яйца, птенцов, помет и град мелкого острого гравия.

На верку скалистого отлогого берега, ороженные стеной, сложенной из камня, находились оледенелые — люди в мехов оленя и шкурах морского зверя, хозяева Берингова и Северного морей, хозяева своей земли, удержимой и холодной Чукотки.

Внизу были люди в пахаках — ступень, настоятельно идельные торговать с чучками и эскимосами. Это были казакки под командой заместителя царского комендатора-казака Дюжневца. Штурм ослыбала. Казакки, укрываясь от стрел, отступали, полубирая раненых, вытаскивая куски стрел с костяными наконечниками из своего тела, превозмывая людей и отпавляла их из лапучки.

Солнце пряталось за горизонт, лучи его несильно освещала темносенькие скалы острова Дюжневца, боающего и малое, в Беринговом проливе.

Море тихо паскалось, полумраком мелким правлем скалистый берег. Сражения затихло, наступала вечер.

Птичий базар, пользовавшийся айтишем, возобновил свою неотомую жизнь. Начались жары за лучшее место для ночевки, истерические крики, гоготание, шипение, стоны, писки. Наступала ночь, из недр Ледовитого океана выливалась красная луна.

Настал день, день реинициального существования жителей полуострова. Вязице туземной крепости решивая воевать гартыга и мельшара (оттенные алу). Крепость была вята «окольным охотом» — заходом в тыл и с флангов. Осажденные люди в мехов блядочно перемогали и распространяли в утлор. Туземцы в страхе перед огнем и синицом бросались со скалистого обрыва, разбиваясь о прибрежный гранит.

Шапка царских колонизаторов вала глеза с Дюжневцем стала хозяином богатств зман оравелтан (береговых) и чучука (колючих) туземцев. На материе посмалась пышка по оказию отом, что «Чукотки» — страна сложного камня и золота, однако богато пушиным и иным промысловым зверем.

Мяк, выступающий в Берингов пролива, называл именем казака Дюжневца.

Шапка десиститов, вокруг туземных ярков и инородцев, шапка курдюков, скорострельных, царских чиновников и всяких других темных личностей, аладелыве гривных шухи, набитых жестяными издалками, мануфактурой и синиртом. Завозили оружие, патроны для промысла на морского зверя, причем в следующий рейс комендаторы привозили оружие и патроны долгого калибра, и туземцам приходилось начинать все сначала. Драгоценные шкурки выменивали здесь на спирт и брошенный товар.

Надалеко от селения Уаллеа, на мису, покрайтом алявским и тисчичским глезда, был сооружен памятник кааку Дюжневцу.

До сего времени еще сохранились вале развалины туземной крепости, кости и куски черепов разстрелянных туземцев...

В камнате была глаубая тишина, старик умогал, линда слушателей была оосороченными.

Подохла пародель. Стен утлор, испулянные шумом, улетали за сопки. Уаллеано подлая голомы, широким шагом уходяли гуси в заросли туземной травы. Неруные хрипка чашек испуляли сплюкных гитар.

Молодые покостие приятак замерло, свернувшись в желтые, серые комочки, маскуруясь под траву, песок, серый камень, гальку.

Песцы, аю тивкува от страхи, спрятались в юру.

Полырная сова сорвалась с камня, ослася от лиловинного света утибала о скалу, широко открыла глаза, бросилась в темный провал прибрежной пещеры.

Только альпюбитный тризун-оурака быстро выскользнул на гробие скалы, содрогно каакува каакува по зимню, издал удивленный свист и замер, небольшая невиданное зрелище желтыми бивнями маяла.

Волье гиванастичес и скалистых берегов, левой и правой стороны пародель «КИМ» показались туземные байдари. В байдарках, обтянутых моржо-

ЖЕРЖАК

вои жонки, сидела чучки и эскимосом. Ах, как греховно и гадовоу и так же уславно спорил. Эскимосы быстро как мотор мотоцикла выбрасывала слова, чучки мелодично, медленно растягивали фразы. Слов было о том, кто первый заметил парозод.

С парозода выгружали кургасы, кавасы. По трапам спускались люди в халках, в пиджаках, в конгитурках, со значками КИМ.

К берегу подымалась новая партия людей, а с ними Тыгреньку, «своей чучки», чучки.

Тыгреньку быстро обясима, что здесь будут строиться новые дома, большие крапсы, школа, больница, ветеринарный пункт.

С парозода на кургасы прибывали все новые и новые люди, оборудованные топорами, пилами и кирками с новыми инструментами. На берегу стужались лес, железо, болты, метеорологические инструменты в чемоданах и ящиках. В топках—машинофурты, ведра, ведки с гвоздями, молотом, винчестерами, патронами.

Разбивались палатки, раскладывались ведра. Группа чучек и эскимосов окружала широкоплечего Тыгреньку, внимательно слушала его, глядя на его приятное широкое лицо.

Тыгреньку был когда-то послан в темный дом в Петропавловске чирскими чирювниками.

В землю воткнули весла, на них поставили байдары, ввезли диньяны, продукты между веслами заварили кусками бамбука—и походные вендица готовы. Часть туземцев отправилась за дичью для всего табора, а большинство с Тыгреньку во главе завязало за разгрузку кургасов.

Короткая ночь полярного лета быстро прошла. Утро принесло лучи яркого солнца и запах жареной дичи из общего котла. Маленькая группа чучек и эскимосов покрывалась маленькими мушкетерами, десанта людей устремилась, отбрасывая струю воды; смелась веселый смех.

Работа престояла тяжелая, а лето на Чукотке короткое.

Нало успеть выстроить, утеплить дома, установить радиомачты, аппаратуры, станки, приготовить инструменты.

Прошли недели, месяцы. На материк, в Москву с Чукотки по эфиру передавались телеграммы о выстроенных шюаках, вступивших, больнице, кооперативах, об организации комсомола и национальных советов.

Молодой чучка—комсомолец Аликанов, сын Тыгреньку, так говорил о новой Чукотке:

— Еще несколько зим назад отец мой, дождавшись зимы спать со мной рядом, говорил: «Скорее все чучки поймут русские, пришлются от Деняна, летят нам только добрая. Отец говорил правду. Мы живем, что Азор раньше был дождевым островом, Раканчи—холодным богатым моржовым лежбищем, переходившим из поколения в поколение. Остров давал им легкую, сытную жизнь без всякого труда. Сейчас мы стали хозяевами острова и лежбищ, мы, у которых раньше были деревянные ящики и не было даже моржового мяса.

Кто не знает на Чукотке бедняка Эллима, который сейчас член райисполкома. Он хорошо работает и он знает, что человеку нельзя без мяса, без полотна, без чистой рубашки. Мы все знаем, он работает председателем нашего окружного комитета и нам надо у него учиться.

— Ы м, кайна, валемерон (да правильно, верно)—отзывались покру.

Секретарь райкома комсомола, наполовину русский, наполовину чучка, Тимоша Ерусой собрал ребяткам о

решении спасти колонизаторский памятник являку Дешеву. Ребята дружно зашумели, одобряя решение уничтожить памятник зверской расправы, гнета и грабежа...

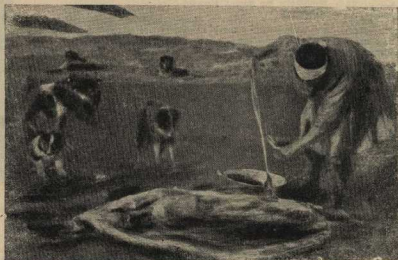
Была полночь, полярное сияние погасло. Большая луна, огороженная дождем светящимся рядом, ярко освещала зависенное сиянием селение. Из тониса, вырванного в снежной горе для входа в дома, понавались молодые чучки и эскимосы. Один посмотрел на луну и сказал:

— Завтра будет пурга, верная примет.

— Онит придется на метеорологический пункт по кавату—ответил другой.—Ничего, доберемся.

Автор очерка В. Тарныкин

Разделка убитого зверя—обязанность чукотских женщин...

Самый северовосточный населенный пункт Азии—эскимосское селение Наукан.

Огромные багровые повонки, сложенные в ряд, напоминают лица стариков.

Судой подбородок на носка. В газах сиротливый лес. Издевай ты забытой полевой. И входишь под сурьез ветвей. Но и в ассу тебе вилы! Ресницы смежи, узнаю В молодых юродивых выжиж Горбатую лобу твою! Мне памятник комсомола травы, Сосновая гари тишины, Твой голос, от хвори глумивый, Снова, что дождем слышимы. Преданье давоу летювачу, Не видно церковной колоды. Ты жедеши заповедного гула. О чем ты борчишься, седой? Научение, пригибальный голод Ты явнее не можешь кричать, Напрасно по книгам раскола Антикриста идишь печаль. Твой Китеж, не полагши знава, В дожде и тумане погас.— Ты вносишь в кустарный Семенов Виденье на плесени гала. Надешаи вериги юдола, Ты срастешь под душой толпу, Казанной провинившей в поле, Пытайся посетя раздор: «Нарушена правая вера! Отобранны хлеб и дома!»

Я вижу, как вечером серым, Хрустят, загораются тыма, Казачется дымные гаги, Коровам режут за сенок. Уходит в леса подогнать, Мурмыча квалейный псалом. «Прини мена, мать моя, чаща!» — Поешь ты, забавя пре беду. Но я тебе ввысоку, вправду, По трапам по тайным проходу С ребятами из Ослоидна.— Как спривешь ты, лобу тая, Тот торб, что испривит ноглаа, Которую вырвою я.

Алла Иванова

ПЕСНЯ

Ты дожились поздно,
Товарищ Непокоей,
Плестая полудка
Под жесткою ценой.
Как слышеть мне несеню?..
Как не тосковать?..
Я тебе явче
Степала бы кровить!
В кожаном ворфтеле
На яру стол,
В яндях, в карнахах
Важные дела.
Все они бугнуты,
Гулак их прибой.—
Был бы ты споконий,
Есал б я с тобой!
Ночь еще дымится,
Раю ты всташе.
На затылок — кепку,
В руки — магнитом.
А дыра на кепке
Смешна и кругла.
Кто же эе залечит?..
Есал б я был!
Ундя грохочет
Как стальной явсов,
А наверхую стасю
Теплым голосом,
На любом заводе
Все твой родил...
Был бы ты сыстанным,
Да вот нет мена!

ПАДЕНИЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ АЛЕШИ РЫМАРЯ

I

В жизни каждого из нас случаются события, от которых впоследствии ведется счет времени.

Алеша Рымарь стал обучаться танцам.

Алеша Рымарь был известен не только у себя в районе, но даже в городском комитете. О нем говорили: «Этот человек проस्ताивает у станка по 35 часов подряд».

Его много раз променявали. В его астенном руке выдвигали отрез серого шевита, или патефон, или карельские алмазы с бамбуковыми палками. Зал оборотливо гудел. Секретари являли воду и рассуждали о необычайной работоспособности Рымаря.

И вместо с променявшим отменялся обычно Рымарь в цех—в поющую смену. Премии он оставлял а заводчане. Он небрежно опускал номерок в широкой карман комбинезона, и всем становилось ясно, что никогда не будет спать шестичасовой ночью, никогда не сплет патефон капиталистскую песню, никогда не упадут на снивый рассветный снег алешины алмазы.

У Рымаря не было времени на пустяки. Он бросал от случая к случаю, третья на обед не больше пяти минут, сила зрения к свету с безразличным мертвецким уставшим человекам...

И он был счастлив. Если бы спросил его: «Счастлив ли ты, механик?», он не задумываясь, честно ответил бы: «Да, я счастлив».

Он уставал от работы, а не от безделья. Парк он посещал по демократическому билету в дни конференций. В театр ходил только из дежурной, и это называлось «убить время».

У других работ—что ни месяц—возникали какие-то личные вопросы. Алеше лично не мешало работать. Правда, у него были неприятности, но разве все предусмотреть? Однажды знакомая девушка завела ему являться глухой вопрос. То она все расценило глядела по сторонам и как будто не слушала Рымаря, а тут вдруг резко оборнулась к нему и спросила, желал, как видно, обосновать? «Гм, что не дурачина, боюсь, что при помощи обаяния?» Сказала и ушла. Рымарь был опешелым. Но вскоре начался какая-то кампания в цехе, и он забыл об инциденте и снова стал самим собой—образцовым комсомолец и лучшим ударником.

И вот однажды, в апреле, когда над страной—будем говорить условно—агата голубые пологие тучи, малая отравилась прямо из цеха в Центральный парк культуры и отдыха. Тот, кто проследил бы за Рымарем, был бы сбит с толку внезапным исчезновением ударника на повороте вала. За поворотом находилась школа танца, не танцовать же пошла Рымарь?

Между тем, войдя в школу, Рымарь попросил для заполнения анкеты и прежде всего, смело заранее обдумав свои действия, мужественно записал в графе партийности: «Член ВЛКСМ».

Потом он оказался в танцевальном зале, в котором, как бы в напоминание о зиме, стояли по углам четыре огромных печи.

Рымарь оттаялся.

Юноши и девушки сбрасывали с себя одеяла, оставаясь в майках и трусиках. Молча шла очередь и Рымарь.

В углу сложены были дамские туфли, мужские ботинки и сапоги. На стульях, поперек одеяла, лежали порфиры и книги. Это была большая часть учебника: «Готовая в вузе», «Автомобиль. Часть 2я—Шасси», «Конспект по геологии».

Между печью и стеной как в стойле посушено стоял рояль...

Обстановка была непривычная. Рымарю вдруг стало холодно. Он напряжился к своим одеялам, чтобы одеться. Но было поздно. В зал вошла старушка. Она проследила мимо ребят с зонтиком в руках. Все выстроились в ряд.

И падение лучшего из комсомолец, много раз превращенного в старика, произошло в три счета.

Рав—сказала старенькая преподавательница танцев, и Рымарь описал парной ногой дугу в воздухе.

— Да,—сказала старушка, и Рымарь описал дугу левой ногой.

— Три!—примириванный ударник вслепу на голой голове рыкнул.

Рымарь вслепу рыкнул! Что же оставалось делать его друзьям?

II

Узнав о падении Рымаря, друзья не заинтересовались подробностями: ни тем, какому танцу он не научился прерывным; венгерке или па-де-паштеру, ни тем, сколько времени—расчитывает пометить—искусный пластической искусству. Для них была существенна только моральная, а не техническая сторона события.

Разговор о Рымаре начался в полумраке того вечернего часа, когда над войсками обобщения оскармливают и словно трещат крыльями самые задушенные слова.

Снабженец из ОРС взял Рымаря под защиту.

— Вопрос исчерпан,—сказал он не без удовольствия.—Этот чудак долго ограничивал себя. Теперь его погнало на танцулку. Вы и не знаете, ребята, сколько в танцах удручных поводов для знакомства.

Речь снабженца была принята холодно. Всем стало как-то нездорово от того, что Алешу Рымаря задирает этот шиварный щеголь, ударник в котором неслучаю с тех пор, как стало известно, что он чистит зубы и парированные туфли одной щеткой. А механика любил и уважал. Всем хотелось как-нибудь выгородить его. И снисходительный добряк—заведский проектировщик—сказал:

— Я не верю, товарищи, что Рымарь как какой-нибудь Борнбек обучился азылу или мазурке. Есть, знаете ли, общие танцы. Под гармонь. Бывают такие алмазы—затенения. Они собирают в парке хороваго. Под их команду ребята топчут ногой землю и поют.

— Нечего тут завышать,—вскричал вдруг лучший друг Алешы,—подроб с построения. — Нечего завышать!—повторя он заглядывая.—Прохлоная мы Алешу! Не заметил вовремя чертоточник! Тан-

Они просто хотели танцевать, как просто выбирают то цвета, что и лицу...

цует теперь, прожаренный! Ногами ударяет! Небося, и до фокстрота издавало...

До фокстрота оставалось, действительно, только пять минут. Через пять минут в школе начался урок западного танца.

III

Совсем не рада потворства грубым инстинктам зала партнершу за талию Алеша Рымарь. И не из-за какой-нибудь легкомысленной девушки, чтобы обмануть ее на поворухне, так Рымарь в хитросплетенную позицию па-де-паштера.

Наоборот, это был героический и самостоятельный поступок—приход Рымаря в школу танца. И дело тут не в том, что затененность и незлобая угловатость Алешы привлекли ему несказанные мужские в воздушном повороте вальса, а стремительным беге мазурки.

Нужно вернуться несколько назад, чтобы понять страдания молодого ударника и раздвоенное его чувство на танцевальной площадке.

Он был не один. Эти люди переставали умиляться, осладиться не знают. Тот, кто не издала сил в эти годы, казался многим горем, и зинко не осмел бы бросить ему слово упрека.

Таким образом и Рымарь. Штурм на его заводе раздала в нем ярость азарта.

IV

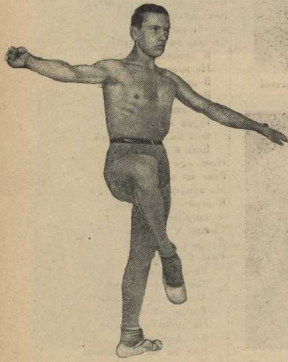
И однажды партуре вызвала Рымаря на душевные разговоры.

— Умещи ли ты отыграть, Алеша?—спросила партуре механика.—Читаю, что Калинин аэропортовскому комсомолу докладывал? Борьба сбега надо для будущего: сердце беречь, желудок, спину надо дергать пророй...

Механик смущался. Он вспомнил обычное свое безделье от отдыха: в кабинет текущей позитивки, на коллективную митку. Рымарь полагал головой. Нет, он виноват не задумывался об отдыхе.

— Что это,—подумал он в тот вечер,—это это за общественной сила, которая следила за мной отшельником? Кому это важно, чтобы и смеялся по-большому и чтобы вальсал на траве? И есть ли такая трава, на которой позволено вальсать?..

С этого вечера стал приглядываться Рымарь к живому. Он увидел, что стоица украшается цветными барельефами, больше печатными иллюстрациями.

..Рымарь описал ногой дугу в воздухе.

Шли спортивные состязания. Волейболисты, баскетболисты приезжали в столбу, чтобы прославить свое искусство.

Рымарь читал газеты и журналы, как постоянно изучал выходившие параллельные номера, в которых больше о спорте, об искусстве и книжке чем о маршах и глубокой вспашке.

Но он многого еще не понимал, со многим не маршал. Как например он представлялся Рымарю к теннису, он никак не мог понять, что же в этой игре от социализма или от диктатуры пролетариата?

В парке, в Нескучном саду, наконец-то заметил Рымарь людей, предавшихся на трапе. Особенно это были старочки. Их было трудно заметить в людном месте. Рымарь находил, что они неплохо проводили время. Он уже понимал, что ему не отвернется от удивительного признания своих ошибок и правды жизни всей этой старости.

Так постепенно формировалось в образном воображении представление о необходимости и пользе отдыха.

Теперь оставалось как будто пустяки—начинать отходить. Но это было не так просто.

V

Вернее было бы сказать, что это оказалось самым трудным занятием в жизни Рымаря.

Отдых он вынашивал как угрозу. Особенно это было в выходные дни. Стало ему на минуту забыть о новой комсомольской своей обязанности и он оказывался чем-нибудь занят, а потом терзался и страдал.

Принуждая себя к отдыху, Рымарь доходил до крайней степени: например, он ложился на кровать и постепенно ослаблял мышцы ног, живота, рук, шеи...

— Чем заняться на досуге?—спрашивал он себя в таком расслабленном состоянии, и мысли его снова выплывали.

— Игрой на гитаре, крокетом, филармон цветом?

— И однажды ему пришла в голову мысль: ну надо поробовать заняться танцами.

Так с «художественным» решением и явился Рымарь в школу танца.

Остальные же, которых отстрегался Рымарь в первые дни занятий, пришли учиться танцевать просто потому, что «время такое», возраст такой. Они не думали выбирать между игрой на гитаре и танцами. Они просто хотели танцевать, как просто хотят быть красивыми, как просто выбирают те цвета, что к лицу.

Но даже не из робости, что приходила сюда с тайной целью—полазить в карманы хорошеющих девушек,—скоро забывали—по крайней мере на время—о танцах и пустаках.

В школе танцев были необычайно чистые ванные. Здесь не было толстых углов и не слышно было песка и ценоватого хохота. Не было и обтяжек, более длительных чем на два яла три такта и более тесных, чем тут нужно в позиции танца.

Чистота входов здесь была простым следствием работы. Люди работали. Здесь тщательно выписывали движения; шпферм сидели за поворотом те-

ла как за поворотом дороги; браковозвращатели были как на выезде ровными к брызгу и мокрому шапку, к сугубой пробке, и каменному вырванному лицу. Точно, без допусков, танцовала слесарь Анозавова.

Но если обо всех ребятах можно было сказать, что в школе танцев они забывали свои старые привычки—хлопать духом по плечу, отходить из руки в рукопожатия, обнимать за шею приемного французского друга? Но Алеша был подученный сувором с женским составом класса.

Девушки в классе покоривались Рымарю. Их было больше чем ребят. Они скорее достигали совершенства: у них были гибче, умнее тела, музыкальные памяти. Ребята приходили старыми и неуклюжими. И самым бесшаманым и неуловимым по части танца был Алеша.

Впервые девушки обступили Рымаря, одна ставала сто ноги в позадню, другая поворачивала гаустку. Но никогда Рымарь не замечал их доистовств. Он же видел, что у мажистичных отличные руки, у стенографистки—голуб. У одной девушки под слушными ресницами мерцала лазоревая глза.

И этой девушке тоже не замечал Рымарь.

Впрочем, за время обучения танцам с механиком произошло странной случай.

После занятий в школе вся группа, как бы для практики, направлялась в рабочее кафе на Ленинградском шоссе. В большом зале кафе каждый вечер танцевали до половины первого ночи.

Пари наметались еще по пути—трамвай, но Рымарь замешкался у кондукторши,—она платила за всех,—остался один. В рабочем кафе не было джаза. Мюзку передавали на студии через радиорупор.

Алеша, которому стало скучно в одиночестве, заинтересовался: кто виноват платон для всего этого танцующего района? Кто менял иглами? Он поинтересовался в административную, там жила она маленькую, задрюченную барышню комнату, в которой стоял платон и на полах лежал пластинки. Здесь сидела у платона девушка. Возле нее вращалась диск, но она была погружена в алгебраический задачки. Она отговаривалась в дух, как многие из тех, что сейчас танцуют в зале.

Тут, может быть, на мгновение стал механик пружины. Что-то вспыхнуло в нем при виде этой девушки. И от лица всех своих сверстников Алеша схватил ее за плечи, притянул к себе и поцеловал.

За барьером стояли те, что не были обучены ни вальсу, ни польке, и просто любопытствовали...

В эту минуту кончалась пластинка, и в зале все усамшило длинное шипение в рупоре, слово рупор раздался чмокающий отрывистый звук и после короткой паузы возмущенный голос: «Сказалась!»—на что отответом была глоток и быстрые шаги.

VI

«Шел урон танцев. Таночки стояли так: левая вперед правой. Рядом стояли воинские салюты: правый вперед левого. Танерда мелкала. Пары стояли. Была мертвая пауза как нигда на экране.

Браворонича положила руку на плечо инженера-химика. Механик завода Годоевля держал в своей ладони журнал маршепроводки с Курского вокзала. В первый паре стояли магистичная Манюрина и контролерша обсерватор, во второй—шofer и студентка, в третьей—механик хлеба-воды и инженер-электрик. Да, именно так: Рымарь положил свою слабую руку на гибкий стан инженера. У инженера были золотистые волосы в стрижку и под слушными ресницами лазоревая глза.

Бару раздался сердитый голос старшего группы: «Оглянь в классе посторонние!»

Все оглаушило, и действительно, увидела незнакомого человека. Он стоял один, обхватив правой рукой коздук перчи собой. Он был в военной тинтестежке, в галфе и сапогах. Он был очень скромно со своей мимой партнерши и всем видом скорее прислаивал к себе, чем отталкивал.

Но жесткие традиции школы требовали взглянуть постороннему, и весь класс на разные голоса обратился к новенькому:

— Пожаулуста, удайтесь!

— Закройте дверь с той стороны!

— Проваливайтесь, проваливайтесь, дорогой госарин!

Незнакому не сразу понял, что речь обращена к нему, а когда понял, не сразу переменял позицию. Он густо покраснел, встретился, стал шарить в карманах и наконец, извлек потроханную книжечку. Это был билет члена Моссовета.

Все были смущены и просили его остаться... Урон пружина с большим подемом. Члену Моссовета ввалил партидну, котодж, жеско загнув на него, пришла и заглажено, что это самый молодой из всех членов Моссовета.

Большой другик был дозволовал Алеша Рымарь. Когда занялся изучением, он достал в ладонь парка члена Моссовета и познакомился с ним. Впервые после разговора с парткомом он снова заговорил о том, что так смущало его теперь в жизни.

Но, стряпню дело, член Моссовета даже не присутствовал Рымарю.

— А ты за кем танцевал когда-нибудь?—спросил член Моссовета.

— Нет. Но я летал по сне. Пала с крыши...

Член Моссовета неопределил шоромаха и немедленно тему. Он не оставил Алешу, не позволил ему руку на плечо, не сказал то, что мог бы сказать в этом случае.

— Мамай, дорожи товарищи—мог бы сказать в этом случае Рымарю член Моссовета.—Ты замечательный работник. Ты лучший в стране. Там было трудно, «в узких местах», ты творил чудеса героизма. Но сейчас мы имеем в короткий срок—но именно с помощью лучших диспетчеров—ускорить систему узких мест.

Оглянулся на широкое место. Люди любят, смеются, гудят, люди играют в шахматы, возмущены. Ты саминий смех? Это чмокало. «Золотого теленка» загнугерские комсомольцы. Ты см...

...Кружились пары. Все были чисто одеты, веселы и старались делать самые красивые движения.

ВИНТОВОЧКА

шны музыку? Это играет полковой оркестр на маневровой границе. Да, а там, в гарнизонном саду, люди, придерживая кобур, мирно веселятся в вечерний час... до первого выстрела.

Но член Моссовета не произнес этой речи. Он быт, потому, что она была бы слишком дамской, или потому, что сам он был так же молод, как Алеша, а может быть, и потому, что слишком долго танцев в чужой стране находилось под сомнением, чтобы теперь вдруг, как сейчас, сказать о них то, что совершенно ясно уже сложилось в голове.

VII

...и взором подиралась член Моссовета с Алешей Рымарю. По вечеру они гуляли по центральным улицам, и Алеша смеяла, по взаимному усмотрению, чтобы член Моссовета не превращал этих вечерних прогулок в инспекторский обход.

Воле не вращался диск, но она была погружена в алгебраический анализ...

Однажды вечером—в тот день была большой факкультативный праздник—двое друзей познакомились с девушкой в спортивном костюме. Она была не одна. Рядом с девушкой, сочувствии под свернутым знаменем, шла дамский, тонкий юноша. Профессор его выдавала «лейка», написанная на боку.

Юноша был фотографом, а девушка вгляделась в нее и вдруг почти с ужасом узнала ту строгую девушку, которую он так неудачно приветствовал в радиостудии рабочего кафе.

Девушка тоже узнала Рымарю и, слабо охнув, пролетела:

— А я уже в вузе...

И она начала говорить без умолку. Это была, как видно, лучший способ скрыть смущение. Она рассказала о том, как выступала сегодня с вокальной группой на стадионе, как фотопортрет, снимавший праздник для газеты, — тут голос ее окреп, — как расстроила он на нее все каскетты.

— Завтра во всех газетах вы увидите только одну меня: и на турнике, и с булавами, и в волевых движениях. Правда, товарищ?—и девушка тронула фотопортрета за дерево знамени, но юноша остался мирно как прежде.

— Он познакомился со мной не вовремя,—продолжала девушка.—Я поручала ему отнести это знамя ко мне в квартиру, но у него нет времени, ему нужно идти провизит меня.

Другая удивилась. Член Моссовета спросил фотопортрета не важности, как это зовут, но тот пробурчал сердито: «обыкновенно»—и вскоре покинул.

Знамя перешло к Рымарю. Уже наступал звездный вечер.

Их потянуло на музыку. Со знаменем на плече, выходя они атроном на танцевальную площадку. Там грелась джиза и кружились пары. Все было чисто одеты, веселы и старались делать самые красивые движения.

В этот вечер двое друзей тоже старались делать самые красивые движения, чтобы понравиться девушке. Потом один из них ушел. Члену Моссовета нужно было спешить в ночную смену, он работал на телефере. Прождав, он не просто пожал руку девушке, он потрогал ее ласково у локтя. Было видно, что ему очень не хотелось расставаться.

Рымарю остался с девушкой. Они потанцовали еще—в том, со знаменем, ушли в неопределенном направлении...

На этом можно было бы закончить рассказ, если бы к этому времени кончилась своя программа и джиза, но все еще мучила лоскутничью трубку, и вытеснила свой затуманенный хобот тромбон, и трещала хальцонти, и рожала рояль.

И продолжались танцы.

Десятки пар шли по танцевальной площадке, и еще больше стояло за барьером. Здесь, за барьером, стояли те, кто не был обучен ни вальсу, ни полке, в потому скучались на билет и просто любознательности.

Им были хороши видны ноги танцующих. В небо они выносили звезды, на вальсовом горизонте стояла огромная баня, с которой ежесекундно летела парашют.

Когда заиграла музыка, кто-то спросил:

— Что это за танец? Тутсут?

— Нет, это венгерка.

— Может быть, это аркария?

— Мы никогда не танцевали,—задумчиво произнес кто-то за спиной.

Все оглянулись на него. Он был молод. Кто-то весело вмешалась в разговор:

— А хорошо было бы, если бы наши ребята танцевали не бостон и не чарльстон, а какой-нибудь свой собственный танец. Ну, кара-кум, например. Разве нельзя придумать такой танец, в котором были бы движения вальсующего в песке человека?

— Я прогнала где-то,—произнес чей-то кислый голос,—умную статью о фотопортрете. Вот она где разлагается, малая буржуазия!

— Ну, ит, без ханжества,—оборвала говорившего командир, стоявший рядом.

Оркестр в эту минуту заглушил голоса, группа медленно разошлась, собрались новые группы, они приподняли пармы на глубинный парк,—мужичин и женщина поодну.

К классе пробивался сквозь толпу какой-то мужчина с полевой сумкой на боку. Он всем давил ноги и умибался и через минуту уже стоя на площадке. Теперь можно было хорошо разглядеть его истоптанные грязные парусиновые туфли. Такое было от него впечатление, будто шел он с утра, пешком, по пыльным дорогам поля, шел весь день, чтобы к вечеру добраться до музыки и ощутить это двойное коузлие усталости и счастья.

Под веселые звуки оркестра медленно и вяло чинилась гдето на реке паровая машина и пускала в небо белые клубы пара. Люди были счастливы на танцевальной площадке.

Это была маленькая площадка на гигантском просторе нашей родины. Она не была никакой не строительной площадкой, на ней не возводили ни мартовских куполов, ни гигантских пролетов цеха. На ней танцевали. Люди, уставшие после умной работы, и кружились вальса, как это ни странно, словно снова наматывали здесь на себя потереянные за день силы.

...и продолжались танцы.

Я помню корабль накрешенный,
Залпа свертывшей прибой,
И вечер и отблеск Эпрона
Отмечен учебной стрельбой.

Патроны — с лимкой. Водамамы
Шпырют бутылку за берг.
За выстрелом выстрел... И сразу
Сдается бутылочный сброд.

Начальник наш ликов и строен,
Не дрогнет винтовка в руках.
Глаза мне светит золотом
Широкой полковой рукав.

Он самый серьезный в отряде,
И вовсе ему неважно,
Что мне захотелось поглядеть
Не в срок побелевший висок.

Но яврут, противу мне винтовку,
И, шурша на вывую гальд,
Сказал он: — Попробуйте локво
Не только глазами стрелять!

Я выспехнула!—Вот еще новость!
Мне вовсе сейчас не до галст,
А что до линюфет?. Голоть—
Учная в Анкафе * и нас!

Упрямая вздрогнула никак
Над резкой чертой брони,
Шпырив и в размаху бутылку
В гремучую воду—Бей!

Качалась она, унывая,
Ее закружила норд-ост,
А он провисел, унываясь:
«Винтовочка, бей в нахалст!»

Я делалась больше чем нужно,
Мешала мне песни и злов,
Вызвала колокол уфони,
В каютах тушила патефон.

Далеко, не больше нголки
Степальная цель... Но увор
Нажат... Врессмучно осколки,
И ластится к неве Лымок.

Команда забила в аллоши,
И, что-то гвердя вневонд,
Я выдела очес хороний,
Отчаянно синий вгляд.

Стрелял, пока не стемнело,
До поздno проснувшись звезд,
А сердце тихонько вневонд:
«Винтовочка, бей в нахалст!»

* Литературное объединение Красной армии и флота.

С. ТРЕТЬЯКОВ

ИСКУССТВО РЕБЕНКА

Я написал книгу «Дни Ша-хуа». Это биография китайского студента, моего ученика по аспирантскому университету.

Книга сделана методом интервьюерия. Интервью — это рассказ. Методом интервьюерия и работала много как журналист.

Интервьюерия Дина, убедился, что человек часто не видит в своей жизни интересного, своеобразного, потому что он к нему привык, «спради-власк».

Помню, заговорила с мамой Дин в детстве, когда его мать отпустила погулять, но привычно ухватилась за играх детей рыбак около реки Янцзя.

— Некая была, — отвечал Дин. — Мне мама запретила.

— Что значит «некая»? — говорю. — Ведь играть с ребятами, веселось, зашито? А он мне в ответ: «некая» да «некая».

Век я к ним интервью давала, но сам то и дело возрадовался к этому «некая». Действительно, в чем суть? Да! Парнишка особенно тихий, или он тихие семейной дисциплиной, или недоразобравшись настроен к рыбкам. Каждое из этих решений по-разному освещает его личность.

Спрашиваю снова:

- Но ты не хотела поиграть с ними?
- Тянуло.
- Но ты не могла?
- Нет.
- Почему?
- Мама бы очень сердилась, это бы ее огорчило.

Выходило, будто у шестилетнего ребенка была какая-то необычная деликатность и уважение к матушкиному слову. Прощая еще недела две совместной работы со студентом, и снова, даже рискуя обидеть его, вернулась я к вопросу об играх на берегу реки.

— Ты же говоришь, что мама огорчилась бы. Но как она могла отомстить, ведь ты на берегу буди один, вдали от дома? Она же за тобой все время не следит? Почему бы тебе не поплавать в озере? Небось ребяташки заваля?

— Мама, ни, что не следяла? Этого не скрощишь.

— Почему?

— А как скрощишь, если детишки смеются? Тут я почувствовала, что мой собеседник в первый раз по-настоящему проговорился.

— Каким детишкой?

— А которые мама мне на плечо нарисовала. Оказалось, матери в этой деревне рисовали ребятишками тушью на аляхонх цветках, а затем накапывали так, у кого эти цветочки оказывались замешеными.

— Как «замешаны» «болван оторчич» оказалась страхица на достаточной порции чувства страха. И все необычное в поведении ребенка стало на свое место. А ведь не оказали очеркист достаточного внимания человеку, этот место так бы и осталось «неподвато» до «доложа».

«Доложь» материал — существовавший момент работы. В любых условиях: говорите ли вы с колхозником, вузовцем, провинцом, рощесь ли в деревне и заблуждайтесь восточной стобой старинной эпохи в степи, или с ариопланом видите, как слово очертника сегодняшних полей просвечивают линии прежних знаний, — веде «отвалять», и не оставалась несущая мест.

— Дожать и проверить. Без проверки очень легко впасть в ошибку, в заскок, в ляпис. Легко принять случайное явление за типичное. Вот почему справочник, научная книга, разговор по делу и классический докладни сопутствуют работе над материалом.

Владеть верную особенность (специфику) материала необходимо, ведь легко впасть в штампы и общие типичности. Легко оклеветать дикого роща, «свершило враждующих глазами», или жителю Средней Азии, «поющих заунывные песни», или

«будничное бесстрашие» китайца (здесь я беру только наиболее грубые примеры).

Это все литературные штампы. Чтобы их избежать, надо сначала разглядеть, каковы люди в отдельности, а затем понять, что из отдельности является типичным.

Я долго спорил с очеркистом, который, описывая старика на заводе, особенно ушаря на то, как у него дыгало покрытое волосами калде.

— Мне надо оживить человека, — объяснял очеркист.

Приметное, как часто у нас «оживляют» таким способом:

«...Почесался... потер переносицу... мехом моргал...»

Все эти кадники и борозданы законом в описании, если они имеют сюжетное значение, а не являются просто отгнетками. А тс, бывает, прочтешь про такого старика с калдеком, и отстанешь в памяти только один калде, прыгающий и влоасый. Калде есть, а человек не виден.

Иногда такая отгнетка возникает по итерии. Кто-то, рассказывая про Ленина на субботнике, написал, что Ленин, покончив брента, отходил всторону и закурал. А ведь Ленин не курил ни-тогда.

Вместо того чтобы разутьать и расквасать, как провадил перерыв в работе Ленин, очеркист воспользовался привычным литературным штаммом.

Правда содержится вовсе не в самом факте, а в том, как факты сопоставлены. Можно из биографических фактов изобрести и поставить рядом такие факты, что любовь, взглянув на них, скажет: «Это любовь, человек не таков».

С умением выбирать решающий факт связано умение правильно излагать этот факт, т. е. сделать так, чтобы одно замечание объяснило очень многое.

У американских писателей Пэра Бак есть роман «Медведь». Там в первой главе рассказывается, как белкин-киталец, решив жениться, намеревается с тона помешать. Но делает это тайном, чтобы не разбудить отца, который значит ругать его за расточительность, так как вода нужна отцу.

Здесь маленький факт умышлено объясняет убогость сельского хозяйства, и дороговизну воды, и зависимость взрослого человека в патриархальной семье от лично уже не работающего старика-отца, и незначительность белкиной жизни, и чувство исключительного события, в честь которого надо похотеться.

Маленький эпизод с чайной водки рассказывает больше чем целые тома.

А вот пример неэкономного пользования фактами.

Политологическая газета показала мне иллюстрированный рассказ. Там было:

«Слушались сумерки. На огнях — морозные узоры. В полуметровой комнате сидят бригадир и сельсоветские активисты. Они курят полные цигары и разговаривают о том, о сем, не зная, что в колхозе плохо поставлено ограждение лошадей».

«Сумерки спускались» и «морозные узоры» — это тоже штампы, а «откуда здесь начать рассказ. Но если подумать, как было лучше «нагнать» это место, то станет ясно, что уже самой полуметровой комнаты, в которой всматривают цигары, достаточно сумерки. Также надо изгнать «снежные узоры на огнях». Узоры могут быть тонкие, могут быть густые и мохнатые. Если морозный узор как следует походить, то им из него поймают и то, каков на свете мороз, и то, что в комнате много огня, и то, как долго они разговаривают. Это и будет конкретизированная нагрузка на детали.

Умение экономно использовать материалом, вместо того чтобы посылать громадное количество деталей, — показатель литературного мастерства.

Нале, чтобы за пределами произведения ча-

С. ТРЕТЬЯКОВ

ствоваюсь много знаний о предмете, которые не вошли в произведение. Произведение должно быть похоже на ламповый айберг, у которого из воды торчит только одна жесткая часть ледяной глыбы, остальное в глубине, но оно-то и держит айберг в равновесии. Полая поверхность та, а которой как в бедном магазине еще наличие товаров выложена на витрину.

Обычно детали зачастую входят: одна перешибает другую. Иллюзии подробным описанием человеческого лица читающему ярад и помещает его в лицо удачи.

Вы, вероятно, не раз встречали такие описания: волнистые каштановые волосы, чистый лоб, ясные глаза под дугами черных бровей, небольшой нос, пушистые губы, пыльные щесы.

Пусть-ва десять читателй, но этому описанию попробуй изобразить лицо. Получится десять совершенно других из друга физиономий.

Зато, если, разобравшись в лице, извлечь из него характернейшую деталь и подчеркнуть ее, как это и рисуете дело caricaturist, то можно изобразить верно и запоминаемо.

Подобно тому как выбранная деталь должна лежать на себе возможно большую смысловую нагрузку, так и все произведение должно нести возможную нагрузку по обществу и индивиду наугусту. Здесь важно помнить, для кого и в для чего вы пишете.

Читатель, которому вы адресуете вашу вещь, определяет и ваш словарь и характер ваших образов. Об одном и том же по-разному пишут для детей, для инженеров, для остова. Еще не наступило время, когда читатель в нашей стране будет человеком односторонней и очень высокой культуры. Но к этому времени мы идем стремительными шагами.

Умение владеть сюжетом — это умение заинтересовать читателя.

Писатель должен уметь ставить возможно отчетливо алмоко друг от друга отставленные значения. Он должен уметь сжимать время и, наоборот, секунду раздвигать расщеплению.

Вот как описал, например, Агатов события олимпийского турнира по борьбе «Юши идет на север».

«Секунда была распределена так: «Более половины ее ушло на скрепление и треск деревянных стоек, которые были положены на перестроку ирощуных ружей. Месец четверти ушло на то, чтобы одним дуновением затухнуть все лампы. Остальное было посвящено самому бою. Потолок сел на пол, в течение четверти секунды выключились в узкие желы бокового забора 40 кубометров воздуха. Эта дунования пуля оторвалась штерых забойщиков на два метра, спала их, но заставила жемудры выбросить пищу через рот в задний проход. Уши перестали работать. Пласт, разный сточный выростоме шпалты, лег по дороге к столу».

А Паустовский, например, в свою прекрасную повесть «Кара-Бугаза» дает фантастическую картину сна, где поволяю, когда на дне Каспийского моря лежат спящие отшельники рыбы и морские животные, чтобы отомстить на дне органическому осрам, могущим начать начало в будущем нефтяным осрам.

В действительности, конечно, этот «дождь» происходит гораздо медленнее. Но как в замедленной съемке этот процесс здесь сак и поэтому дает неординарный, но чрезвычайно обогащающий наши знания эффект. Мы начинаем «осветлять» время.

С. КАРАМОЛЕНКО

„КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ“

Ф. ШИЛЛЕРА

15 апреля 1934 г. исполнилось 150 лет со дня первого представления «Коварства и любви» на сцене Мангеймского театра в Германии. Спектакль имел громадный успех: чопорная немецкая публика вопреки обычаям того времени вырвала свое одобрение бурными рукоплесканиями. «Коварство и любовь» вряду с пьесами Шекспира, наряду со знаменитыми комедиями Вольтера «Семилетний цирюльник» и «Свадьба Фигаро» никогда не сходила с репертуара европейских и русских театров, пьеса выдержала испытание революцией, получила большую популярность на советской сцене. В Москве ее ставят два театра: им. Вахтангова и французского Малого театра.

Чем же обильнее этот давнишний и прочный успех? «Коварство и любовь» — произведение, потрясающее зрителей своей жизненной правдой. История невесты Луизы Миллер, дочера простого музыканта, и благородного мечтателя Фердинанда, павших жертвами корыстных расчетов, сословных предрассудков и бесцерковности аристократической среды, производит и производит сильнейшее впечатление на зрителей, требующих от спектакля не сценических ухищрений и формалистического трюизма, а правдивого отображения жизни во всем ее многообразии и сложности. Вот почему «Коварство и любовь» — один из излюбленных народных спектаклей. Этим же объясняется бурный успех пьесы в первые годы после ее написания. Немецкая публика конца XVIII в. была воспитана на долюккласическом репертуаре. Это были расхожие, модажные произведения, построенные по непреложным как таковые вошедшим в уставы правилам драматургического кодекса. Они излагали малопонятные, мало понятные для широких масс языком прикраски декоративных и драматургических поделочек и восторгов. Большинство этих пьес было переводом с французского или подражанием французам, копирующим в свою очередь великих драматургов XVII в.: Расина и Корнеля. Это была привлекательная, но чуждая драматургия. Идеалам французской героини, она выставляла сравняться под их именами современных королей и дворян в прикрашенном, облаточном виде, ничего общего не имевшим с

действительностью. Зритель не находил сходства между какими-нибудь мелким извращенным, неестественным и развратным тираном, извращенным собой гавну «самостоятельного» государства и торговцами своим подданными, и римским императором, попиравшим могущественные государства, основанные благочестивыми гражданами своей империи и великодушно прощавшим автократора. Буржуазия крепла экономически и росла к власти: она требовала от себя новой драматургии, соответствующей ее вкусам и служащей ее классовым целям. Сначала во Франции, а потом в Германии зародилась «междина драма». Одним из ее создателей был Шиллер.

«Междина драма» не означала тогда пьесу, предназначенную для мещанства, т. е. мелкобуржуазного обывателя. Это была «городская» драма, написанная для разнообразных прослоек буржуазии, от кружной до мелкой. Шиллер, один из величайших представителей немецкой революционной буржуазии, в молодости был близок к ее наиболее радикальным слоям. «Коварство и любовь» — для своего времени революционная пьеса, хотя в ней нет прямого призыва к революции.

Ее революционное значение заключалось, прежде всего, в том, что она беспощадно разоблачала тогдашний немецкий феодальный строй. Материал у Шиллера был под рукой — ему было только черенести на сцену обстановку княжества Вюртембергского, в котором он жил. И это удалось вполне. Перед зрителем прошол во всей своей отталкивающей чуждоте представителю придворной аристократии некоего «трюизмского» владетельного герцога: президент фон-Вальтер, который достиг зыского поста преступлением и готов женить своего сына на любовнице герцога, чтобы сохранить власть; интриганский шарлатан фон-Кальб; да него событием исторической важности является то, что герцог надел кафтан молодого мещанина, продавшего свой кафтан ради выкупа, которые приносят славу знатым, ацему и Луизе; наконец, сам герцог: он непосредственно в пьесе не участвует, но все время незримо присутствует на сцене. Это тиран и сладострастик, продающий

своих подданных в союзы англичанам, чтобы подарить браволицы своей любовнице. Шиллер подает карикатурный образ аристократии, дворянства — и за это во него обличался тогдашняя реакционная критика, обвинявшая пьесу «гадкой карикатурой» и «безвкусной бессмыслицей».

Но революционная критика пьесы не только в том, что она сорвала маску с немецкой аристократии. Кастовым предрассудкам Шиллер противопоставил новые правила поведения. Он провозгласил свободу мысли и личности человека, свободу своей судьбой, право развивать свои духовные способности и не подчинять своих чувств мелким корыстным расчетам или сословным предрассудкам.

Конечно, это была проповедь всего лишь буржуазного индивидуализма. Но по сравнению с дворянско-феодалной идеологией этот индивидуализм был все же вперед. Для фон-Вальтера любовь — это средство, не имеющее никакого значения: «Ты хороша, девушка хороша собой; мне приятно, что у сына моего есть вкус. Если он найдет дуре серьезные обещания, тем лучше, значит, он सब на уме, он может и в президент понасть». Поэтому фон-Вальтер считает, что любовь его сына Фердинанда к Луизе Миллер не может служить препятствием для брака Фердинанда с дочерью герцога. Леда Миллер-Фердинандо.

Первопропозителем интриг является герцогиня Луиза. Вурму, который сватается к ее дочери, он говорит: «Я дочери своей не принуждою. По сердцу вы ей — прерывко: пусть старается быть с вами вместе. Если же вы не любите друг друга, то мне жить не мие. Не стану же я из одного упрямства называть ей мужа, который ей не нраву». Когда же Вурм просит его волюствовать на дочь своего отца, он говорит, не имея никакого значения по тем причинам формуировку «нрав на любовь»: «Воалобанному, который призывает отца на помощь, и — с позволением вашего — не верю ни в какой грех». Надо, чтобы жена скорее отца и мать — чорту всяким с ним расстала... Вот это, по моему, молдец! Вот это любовь!»

Герцогиня в конце XVIII в. была невестой, отставкой страной. Она была раздербана на множество мелких и крупных княжеств, очень слабо между собой об единичных. Крестьянство было задалеко феодальным гнетом, буржуазия была политически бессильна. Она раздала богатую литературу мирового значения, индустрирование феодализм в теории, но не смогла уничтожить его на практике. Эта непоследовательность явилась причиной того, что в Германии появились разрозненные одиночки, которые пытались силой своего убеждения, тайными заговорами или анархическими выступлениями опрокинуть старый порядок в Европе. Она раздала богатую литературу в «Дон-Карлосе», Фиско в «Заговоре Фиско», Фердинанд, революционер в области быта и морали, тоже одиночка; он беснелся противить в дело свою буржуазную идеологию, но не мог не Альер и буржуазия себя подлинных революционеров и подлинных революционных дел — поэтому его пьесы страдают риторичностью, его герои много декламируют и мало делают. Не лишена этих недостатков драма «Коварство и любовь», но в ней есть огромные художественные достоинства, без которых она не могла бы удержаться на сцене. Эти достоинства — будущий реализм в изображении представителей аристократии, индустриального класса, глубоко воунющий зрителя в аристократический мир, заставляющий его смеяться и негодовать, мастера построения интриги, дерзкая злодейка в изложении до последнего момента.

В чем ценность пьесы для советского зрителя? Она заключается не только в ее историко-политическом значении и художественных достоинствах. «Коварство и любовь» и до сих пор не потеряла своей актуальности. Шиллер обличал в ней феодализм, но он обличал вместе с тем и классовую интригу, которую он видел в буржуазии. Многие недостатки в пьесе кажутся феодализму перешол по наследству к капиталистическому строю.

В современных буржуазных странах как и во владении-небедных странах лучшие человеческие чувства расцениваются на денга: брак-торговая сделка; буржуазные нравы по своей развращенности ничем не уступают нравам аристократии XVIII в. Горькая судьба в пьесе доходит в масштабах, которме немцы — феодализм со своим кустарными приемами и карликовыми оборотами могли бы только позабавоваться.

Шиллер грима, пороки феодализма и строя, но одновременно он был по буржуазии. Наконец, его пламенный призыв к полному раскрепощению личности от власти денег и востовых предрассудков, освобождению развитию духовных возможностей человека по-настоящему ушлиши и осуществлены только в стране строящегося социализма, в стране, где уничтожены противоречия между личностью и социализмом.

СЦЕНА ПАРАДА В СПЕКТАКЛЕ „КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ“ (театр им. Вахтангова).

ЯСНО СМЕЛЯКОВ

Смеляков, бесспорно, — талантливый поэт. Небольшой сборник стихов «Работа и любовь», выпущенный им в 1932 г., был достаточно принят и читателями и критикой. Часть критиков — мнение в виду процесса творческого роста — мы не во одну — решила даже, что творчество Смелякова является чуть ли не новым этапом в развитии претерпевшей лирики. Это, разумеется, вредное преувеличение. Навязывать сопоставления и с тем, будто бы Смелякова «потребность в интимной лирике, в стихах о любви, о природе, о друге, о всех тех чувствах, которые пролетариат испытывает, но испытывает до-революции, до революции отсюда, от представителей собственнических классов, оставалась неудовлетворенной. Некому чересчур прибавляться в известной мере, хотя и не без крупных недостатков: потребность эта советской прозой удовлетворялась».

Достоинство первых стихов Смелякова заключалось в том, что молодой поэт сумел в них ярко выразить некоторые характерные черты своего поколения. Этому поколению, выросшему в годы развернутого социалистического строительства, гораздо легче было определить свое отношение к миру нового общества, включившись в жизнь в периодическую или в периодическую, что составляло предмет спора десяти и пятнадцати лет назад, для сверстников Смелякова стало уже не так само собой разумеющимся. И в стихах Смелякова подкупают известное именно простотой и непринужденностью, с которыми он высказывает точку зрения своего поколения.

Одно из лучших стихотворений в книге «Работа и любовь» так и называется «Точка зрения». В стихотворении этом всякая и всякая лирика — художник изображает на холсте закат, а молодой, веселый человек — с озерной палочкой, чехирящий премошарный ударник, вмещающий «в обниме обниме старик забор» с молодой женщиной. Он согласен с «отважением пейзажа» художником:

«Мы увидели весенней кустин,
вы увидели кусок водки,
кувырканы пляшек на просторе,
глазую летящую дымку...»

И, следовательно, художник прав, что не увидим человека, вы забыли о перспективе и вы там, что вода страна движется пейзажем».

Казалось бы, достаточно сложной, «дискуссионной» вопрос о взаимоотношения искусства и действительности, — и поуту свою точку зрения на истинную направленность «тихих пейзажей» художника установить необходимо. Но Смеляков в отличие от своего «молодого человека» много об этом не распространяется — это для его читателя ясно и так: он ставит ударение на том, что важно как раз сейчас: на мастерстве художника, на его умении, на том, что может украсить и удивить нашу жизнь:

«Я хочу, чтобы в моей работе
сочеталась бы горячка парня
с мастерством художника, который
веще-таки умеет рисовать».

И в этом заключается и основное своеобразие и умелость в себе, заключающееся отчасти в творческой и в простом походит Смеляков и в вопросу об объективном и личном. И тут никаких оговорок для авторского конфликта он не находит. Вот начальная мимолетно допрашивает кулака. Это борьба, работа. Но на столе в мимолетно — утешаю в стакане. И позит сразу понимает, что этот человек кричит всегда понимать и думать «обязательно».

Образ начальная мимолетно — типичный для «Работа и любви» образ лирического героя. Таким же, умелым и работящим, и землеметом, и деловителем любит Смеляков — только выводит и себя самого: «Я очень и очень веселый и бойкий, смешной и богатый».

Оптимизм, конечно, — положительное качество поэмы Смелякова. Но при этом необходимо сделать одну оговорку. Мы оптимисты большого плана. Наш оптимизм обусловлен тем, что нам полагается исторические перспективы нашего класса, тем, что мы обладаем и победим. Победы, однако, даются не так просто: неизбежны частные поражения, неизбежны потери. Поэтому не только легкая лирическая грусть, но и безымянная тоска наших поэтов, но и горе, злоба, ненависть — чувства, которые им может не быть у человека — борца и победителя, сражающегося за социализм,

Но они не разрушают, а дополняют, застраивают общую его оптимистическую жизнеустановку. У Смелякова — это тут мы переходим и его вынесем — оптимизм подчас сводится к тому, что «весел, делай, как лучше» в этом лучшем из миров». И ответы на вопросы, которые ставят действительность, даются Смеляковым иногда самым легким и непосредственно образом.

В первой книжке Смелякова наиболее ясно выражена эта легкость в подходе и теме в стихотворении «Любовь». Поэт пишет о своей любви: «На коммунистической кровати идеальная сонит». И тут же на кровати крадут ее муж.

«Он здесь подновлявший хозяин.
Он знает любовь и деньги.

И женщину эту, что рядом
лежит, подхватил за плечи,
он спас от голодной смерти
и сбросил своей женою.

Он спелача ее ноги
юбками и чулками».

Какой же выход находит поэт, какие чувства выводит им? Реальность? Должене вырвать любовь из этого шакалового плена? Нет, он мечтает о том, что через... две пятнадцать лет будут вместе. А пока надо работать, чтобы приблизить это будущее.

«И муж твой, сидящий в Галковке,
сидящийся в Комарово,
работой своим поможет
твоей и моей любви».

Переключая стихи эти в своей новой книжке, Смеляков отбросил последние четверостишие. Несомненно, стихотворение от этого только выиграло. Но даже и без этой, деловой по существу, концовки «Любовь» образует нечто, каким поведением, пустым и мимым становится безоговорочный смеляковский оптимизм, когда им пользуются как отмычкой, способной открыть любые двери.

Для «Работа и любви», впрочем, характерны не разрозненные только что стихи, а цитированные выше «Точка зрения», «Весна в мимолетно» и др. После того как Смеляков дал удачный набросок лирического героя, следующим было бы ожидать, что в дальнейшем мы встретимся с тем же лирическим героем, но только уже в более явном художественном воплощении. Вышедшие же в свет в Галаке стихи свидетельствуют, однако, о другом. В них Смеляков обещает на молосье за то, что он слушает записанного на граммофонной пластинке Вертинского:

«...Как же это вышло,
что немским летом
слухают ребята
мимолетную грусть?»

Обида напирала. Потому что ту же грусть «мимолетную» в свои стихи и сам Смеляков. Не этой ли «грустью» пропитанная и «Люба Фейгельман» и также, под Есенина сделанные стихи, как:

«Я не знаю, много или мало
Мне еще осталось прожить,
Засыпая под веткам одеялом,
Ненадлежащих девочек любить».

И не ввязываясь ни «бардов» есенинского толка и не иронизируя по замесу «Рескина» о том, как одна старуха умерла в доме № 31 по Б. Молчанову.

В этом стихотворении судьбе умиралой старухи противопоставлена судьба «людей славы и труда». Смеляков начинает с описания мира, окружающего старуху, и вводит такую деталь:

«...Девка топички надела
И выключил из комарово,
Перед ней гуляет старик,
Беспартийный инвалид.
«Мне достаются гитары
и оркестры», говорит:
«Про... дождиком
К вам несмело
Обратиться. Потому,
Девка кофточку надела,
Девка кофточку сшила...» и т. д.

Как будто бы весьма колоритная картинка «рабочих» в доме № 31 по Б. Молчанову! Но мы читаем дальше, и к нашему удивлению обнаруживается, что инвалид этот вовсе не представляет

Яр. Смеляков

собой тот мирок, который умирал вместе со старухой, напротив, свой субъект и процесс вынесем — «люди славы и труда».

«А у нас ныне вымы
И другой порядок дней:
У меня,
У инвалида
И у двоицы моих,
Мы веселы любовью и лабу,
Строим — ласки и идем,
Вылетел срок —
И от хвороби
На цветки и на субботах,
На строительство устроили».

Полное смешение понятий, странное непонимание того, что хорошо и что плохо, где находится коммунистическое веселье и где находится ищущее неуверенно и покаяния!

Не удивительно, что и другие, а именно эгоистичное этого поэта умение произвращения Смелякова, говорящего о значительном росте поэтического мастерства, не свидетельствуют в то же время об идиотском роде поста.

Пожалуй, лучшее стихотворение Смелякова в его новой книжке — «Про товарища». Он говорит в нем о своем «рассеянном и угнетенном», происходящем через страну в качестве иже полотнодателя, иже коммунистического работника:

«Он ищет,
Высокий, грузный,
И падает в жемане стекла,
Мимо репы и капуста,
Соку кавера и свеклам...»

Т... ..
Неприятный и рыбой,
Ты прохлосши с наслаждением
Мир,
Во всех его влываешь
Потрясающий тобою».

«Наслаждение», с которым сияющий «товарищ» прохлосит мир, передано в большой художественной силой. Но вот в «понимании» мира, которое он обнаруживает, нельзя не усомниться.

Мир, изображенный Смеляковым, — это раздробленный, разрозненный иже, это сплошной поток ощущений, струящийся «мимо», «мимо разных пейзажей, мимо тына, мимо тына, мимо заводов акцентов и обломанной ширини». Смеляков надеется своего героя «мелочливой способностью чувственного восприятия, но он ничего не сделал для того, чтобы герой осмыслил свои «мимолетные впечатления». В результате и получился не коммунист-организатор, как, вероятно, полагает автор, а безымянный бродяга, прохлосший по сути дела миром окостеневшей борьбы классов в стране.

И поэтому, когда «люди славы» сражались подымать для «гитля», невольно доводится задумываться: почему, собственно, автор убит так много безымянного парня? Но за то, ведь, что он любуя цветы и девушек?

Потворение связанное и начале этой статьи: Смеляков, несомненно, талантливый поэт. Но талант тогда только создаст бодь в бодь советского поэта, когда он вооружен большим мышлением и опирается на крепкую связь с борющимся классом.

ОЛЯ БАЛЫКИНА

О. ШВАРЦ

ДОЛГ ПИСЦЕРА*

— Оляга, Оляга! Вставай!
Оля проснулась. Что такое случилось? Зачем-то разбудили среди ночи, но зажигают в лате огни!

— Что, мама?
— Поди, отцу помоги... на улицу...
Темна освещая ночь. Тусклый фонарь светит заспанной главе. Ничего, кроме фонаря, не видно. Но променяв глаза, прикиньте... Воза, на них мешок. Много мешков. Если бы их сложить в кучу, она бы гора с под-избы. У одного вола отец бригадир Кузнецов... Фирсов, тот самый Фирсов, которого в колхоз не приняли. Зачем он тут, у попов, назначенных к отправке в Спасск?

— Дерзай! — сует отец в руки Оля мешок. Мешок развздувается глототу. Отец и Кузнецов поднимают ввоза чувал и быстро отсчитывают часть зерна.

Кузнецов легко прыгает с вола, поднимает с дорной лопоту, выхватывает заранее притолованную ведро и аккуратно высыпает ее в мешок. Мешок опять становится помятым. Отец быстро переменяет ведро с зерном и выхватывает.

Кузнецов снова на вола. Второй чувал...
— Да ведь это... — вырывается у Оли. Она хочет сказать «красна», но не может.
— Ты! Молчи! — шипит отец.
— Прощай мешок...
— Не буду держать! — руки с мешком опускаются.

Отец медленно спускает с вола.
— Не будешь?
Тусклый свет фонаря отражается в глазах отца. И кажется, что нет отца, нет вола, нет Кузнецова, Фирсова, а есть только две злобных, блестящих точки.
— Не будешь?
— Руки невольно поднимают мешок.
Четвертый...
Пятый...
И когда Фирсов, сбиваясь под тяжестью мешка, встает по толпе, отец сузо сказал:
— Не будешь...
— Иди домой.

Оля Балыкина идет в школу. Нет, занятия еще не начались. До занятий осталось еще много дней. Но дома сидеть нельзя. Правда, мать как и прежде довольна с хорошей, овцами, курами, но до стаг странном.

В школе шум. Сбор пионерского отряда. А учитель нет дома. Куда-то ушел.
О нем кто говорит пионер?
— Началь пусть охранит взрослые колхозники, сторожа, а днем мы, пионеры, должны помочь волашу выловить кулаков-шарнижиров...
В открытое окно завется шмель, покудается по комнате и улетается в стекло. Оля облизана, поджала губы. На стенке на листе бумаги белыми буквами явно выведено:

Зачем зовут пионеров.
— 1. Пионер истребитель рабочего класса...
— А я? — подумала Оля: — Но я ведь не пионерка!

— Оляга, Оляга! Вставай!
— Ну, чего там?
— Ишь распустился, не добуешься. Вставай, иди отцу помоги.
— Не пойду!
— Иди, дура, тебе же лучше будет! О тебе же заботятся...
— Не пойду!

Скрипнула дверь, мать ушла. Через минуту вошла отец.

От удара кулаком Оля покачивалась и стучалась головой о стену. Перехватывала дыхание. Еще удар, еще, еще. К горлу подкатил ком. Оля заплакала...
— Отец, не бей...
Еще удар, от которого Оля ушла.
И вот я избе ничего. Оля подходит к окну. На улице мигает огонек фонаря.

— Мисс... мисс... — Оля давится, спазмом савативают горло.
— Балыкина Оля, что ты, что ты? — спрашивает учитель.
— Вот, пионеры дали мне красный галстук... Я вступила в отряд. — И опять плачет.
И вот я избе ничего. Оля подходит к окну. На улице мигает огонек фонаря.

— Успокойся, Оля, расскажи по порядку, толком. Давай разберемся, зачем я молчаю...

Рано утром отец ушел на работу. Оля прогнала корову в степь, Борюласа. Мать на огороде. Солнце уже высоко. На небе ни облачка. День будет хороший, решает Оля.

Стук в окно.
— Хозяйка дома?
Оля открыла окно. Послышанный из сельсовета.
— Мاما дома, на огороде.
— Скажи, пусть в совет идет.
И, подумав, дознала:
— И ты иди. Миллиционер приехал, требует. — Повернулся и ушел.
Сердце колотится шибко. В руках холат. И влдут за синей чулок, но мрамил голос:
— Пойдем.
Пойдем.
Нет, солнце светит сегодня тусклым, нессласем светом. Мертва красива у канавы.

— Ты? Если хочь слово слышешь, смотри!!!
Сельсовет.
Мать и дочь. И миллиционер.
— Оля Балыкина, что вы можете показать по данному вопросу?
Оля поднимает голову, встречается взглядом с матерью.
— Ничего...

— Гражданка Балыкина, а вы?
— Наверно холат. Мало чего брешут... Да вы хоть жалеть обидите. Или мы не понимаем!
Солнце идет в лико, разливается по дороге. Но нет, день явче хекзороний...
Олята ослушались. Из сельсовета вышла милиционер, сол в повозку и уехал.
— У-е-к-а-а-а...

Пришла домой, сила красной галстук. Борюласа слопала.
Волком пришла отец. Остановился у двери:
— Зачем в совет выехали?
Мать выплала на середину комнаты:
— Насчет хлеба. Аккуратно надо, Грина.
Отец шаркнул варту на лавку.
— Ты, Оляга? Ну!

— Что ты, отец, — заступилась мать, — может и не она, может лодь подозревают.
— Смотри, Оляга, убои!
Оля поджала губы. И хоть не хочет, ноть что отражается свет фонаря в глазах отца, но кажется, что нет ни отца, ни матери, ни птицы, ничего нет, а есть только две блестящих точки. Потом перед глазами вырвется волостский кулак. Оля отводит глаза всторону; у стенки лежит топот.

Опять ночь, возм с хлебом, Кузнецов, отец, мать, стоящая на страже...

Опять в избе нет. Но нет ее и в вола. Она крадется за Фирсовым, который уносит куда-то мешок с зерном.

Фирсова почти не видно. Но Оля слышно бродящее сердце не задушит его шагов. Вот он скрывается за угол, на минуту останавливается, как бы прислушивается, и только решительно идет к брошенной избе. И не видит Фирсова метнувшись за ним тени.

В школе, до занятий, редко кто идет. Здесь тихо, никто не может помешать. Разве учитель. Но он все знает...
Скрипит поро, Минута, другая, третья... Оля пишет:

«В Спасск, ОГПУ.
От пионерики Отрядского пионерского отряда Балыкиной Оляги».

ЗАВЯЕНИЕ

Должю до сведения органов ОГПУ, что в деревне Отряда творятся безобразия. Воруются и вооружают колхозное добро. Например мой отец Григорий Семёнович вместе с Кузнецовым, бригадиром первой бригады, и средником, кулаком Фирсовым В. Ф., во время молотьбы и возки хлеба в город Спасск воруются колхозной хлеб.

Ночью, когда все засыпало, к отцу явились двое армяков — бригадир Кузнецов Кузьма и Фирсов В. Все трое отправлялись воровать. Бригадир Кузнецов все время назначал моего отца в Спасск с колхозным хлебом. Воза все подвозила к нашему двору. Эти мошенники с возов брали хлеб. А в воза наспалили землю весом столько, сколько бранли хлеба.

Хлеб прятали в пустой избе, потом его продавали. Во время ворования они заставляли меня держать мешки. Я держала. На душу ложился терпеливый страх. Я чувствовала, что нехорошо, но сделать ничего не могла. Я еще не была пионеркой. Поступила в пионеротряд, и узнала, как я должна быть пионер. И вот я больше не хочу на своей душе носить тяжёлый камень. Сначала я решила рассказать своему учителю о том преступлении, какое происходило на моих глазах. И вот, обдумав дело, я потребовала сообщить куда следует.

Приехала милиционер, но он поступил сашком неправильно. Он позвал меня на допрос вместе с матерью. Под уторной матери и не осмелилась сказать то, что было в моей душе. Но я больше молчать не буду. Я должна выполнить свой пионерский долг, иначе выте вору будут продолжать воровать и в будущем совсем развалят наш колхоз.

А чтобы этого не случилось, я именову все на свежую вола, давшие пусайт высшая власть делает с ними, кто хочет.
Мой долг выполнен.
Отец мне прощай, но я этой утром не боюсь.

Пионерка Балыкина Оляга.

У Оля сегодня самый хороший, самый веселый день в жизни. Это потому, что солнца не видно, что оно за тучками тучами...

Оля кружится себя легко, и свет ей кажется очень ярким.

* Писательница проживала в Татарской ССР в селе Отряда.

МОЖНО ли ИГРАТЬ „по МАЛЕНЬКОЙ“?

Выдешь иногда ночью на улицу и видишь: по обе стороны рабочего поселка стоят темные громады домов, и только три—четыре огненных калиты светят в разных местах. Пройдешь мимо них.

— сидит девушка за чертогами;
— домашняя хозяйка ставит самовар; дожида-
ется, иногда, кого-нибудь из ночной смены;

— а в соседующем окне заванеска задернута, гудит немытые голоса, эпатиет серебро; здесь играют в карты.

Бригадниками входят в этот дом. Дверь кто-то оставил незапертой, и игроков застают разгоряченными, с картами в руках. Один злобно ругается, не желая бригадникам, другой раскраснел рот и смотрит на дверь, не обращая внимания на ругань соседа. Третий хватает лезвие с тарелки, четвертый прячет карты.

На первый план выступают хозяин квартиры, какой-нибудь «ивавад»: или хронический «бездар-
ботный».

— Вот, товарищи,—завывает он развязно,—
приходит и втыкает бесарку, ничего с ним не поделаешь.

После этого составляется акт. В игре участвовал самый разнообразный народ: тут и «труацкичи/«
«диноличники», которого «по ошибке» раскулачили тут и возлудный парикмахер с базара, тут и токарь Курьялин...

Один из наших корреспондентов, Коля Н., с негодованием сообщает, что он «был оптрафован на 25 руб. за то, что на пять минут зашел сюда развлечься и выиграл трешку. «—В чем тут дело?»—спрашивает он. — Шахмат? Все равно, без моего участия. Не есть ли это пример с запрещенной карты? Может быть, из нас надо взять под свой контроль, чтобы играть без денег или наркеля «по маленькой» и тогда зулами не обирали трудящихся.

Это письмо может показаться шуткой, на которую и отвечать не стоит. Но в беседе с читателями выяснилось, что карточной игрой увлекаются многие неплохие ребята; они не считают это за

вещь предосудительной. Мы решили поговорить с этими ребятами через нашу бютовую консультацию.

Мы без всяких оговорок—против карточной игры. Деньги, заработанные честным трудом, нельзя хищнически разбазаривать. Они должны использоваться именно человеком, которую он потратил на труд, поднимать его благосостояние и культурный уровень.

Представьте себе: парень заработал 100 руб. У него мало белья, почти нет книг, за квартиру он не платит три месяца. Иногда к этому можно прибавить, что у жены его нет целых ботинок.

Этот парень отправляется играть «по маленькой». Азарт, отравляющий сознание как спирт, затмевает; парню не везет, он старается отыграться и в конце концов уходит домой без копейки, опшамлым, в ужасном настроении.

После этого он хнычет, ходит за авансами, преледет вещи, «стреляет» трешку у товарищей, обледет через день, ругается с семьей, работает расстроенно; боит его изуродовать, и это не может не отразиться на производительности. Если парень продолжал отыгрываться, тогда дело совсем плохо, и он может окончательно погрязнуть в трешке.

Если же мы будем уверены в том, что он выиграл, и не проиграл, мы бы не менее резко возражали против карточной игры. Во-первых, его партнер может оказаться в внешнеисполненном положении. Во-вторых, погоня за легкой наживной у рабочего стола — свойство паразитов и шулеров, желающих поживиться за счет другого. Но один из нас не захочет по ним равняться. У нас есть другие пути к хорошему заработку. Для этого надо увеличить свою квалификацию, увеличить производительность труда, улучшить качество работы.

Карточная игра развращает людей, делает их «диноличниками», создает «теплые» компании, «чужачек и разбазариванию времени и в колдунству. Карточной игре сопутствуют и другие «культурные» развращения: пьянка или драка, а иногда и прямая уловощина. Один пьет с горя: «Все равно все «проиграю», другие — с радости:

«Деньги легко достались». Дерутся в обоих случаях; и когда выиграл, и когда проиграл.

Классические карточные «идиоты» заигнаны правильно; карточной долг священен. Это правило многим считают для себя обязательным и в наши дни. В селе Карамизине, Плавского района, называвшиеся молодежь, которые сочиняли карточный долг более священным чем социалистическую обязательность. Увелиכים карточной игрой, они начали воровать в колхозе продукты для расплаты за долги.

Бывали случаи, когда проигрывающий возвращался при помощи удара жезла: каждый по-своему устраивает затруднения.

Так вот, Коля Н., давай уж лучше не бейте под контроль этот вид «молодецкого досуга». Нам надо бороться за молодежь, защищать ее от влияния классового врага (который действует в числе прочих средств и картами и кулачеством). Но врага боит не ходом «по маленькой», а более силовыми и проверенными средствами; респект «что кто-то» с играющими картами в руках мы не собираемся, даже если речь идет об игре без денег.

У этого варианта игры есть много защитников, но и он не выдерживает критики. Вся суть карт на протяжении десятилетий заключалась в личном азарте, а игра без денег — это только выгода пародия, не выдерживающая сравнения с другими безденежными играми. Она легко может перейти в мажорный картель; и невзвем тут играть с огнем.

Есть много хороших, увлекательных игр. Молодежь не играет в эти игры только потому, что кому-то везет, борясь с карточниками, мы даем ничего взамен карт. Везд и шаши, в пинг-понг, в рублик баллады, а возможно-мозговую игру ребята играют с большим увлечением, и надо только внедрить эти игры и в темных углах армянских барачков и на окраинах. Это надо сделать еще до того, как в клубы, парки, кинотеатры и на волежит станциях развлечения окажутся на такой высоте, что молодежь сама бросит бездарную игру в карты. Эти средства будут более действенными чем бригадильское вынашивание карточников.

Рис. КЕШЛА

Выдешь иногда ночью на улицу и видишь: по обе стороны рабочего поселка стоят темные громады домов, и только три—четыре огненных калиты светят в разных местах.

ВОИНА

В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

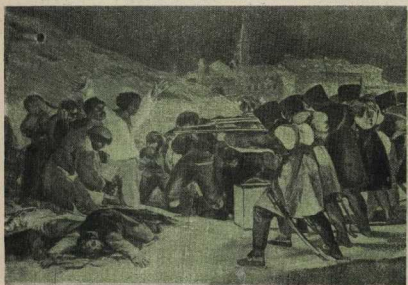
ЖАК КАЛЛО (1592—1635).

„Дерево мародеров“.

ФРАНЦИСКО ГОЙЯ (1746—1828).

„Так было“ (из серии гравюр
„Бедствия войны“).

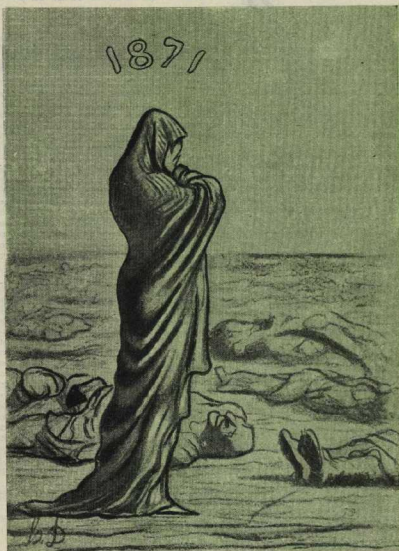
ФРАНЦИСКО ГОЙЯ (1746—1828).

Эпизод 3 мая 1808 года.

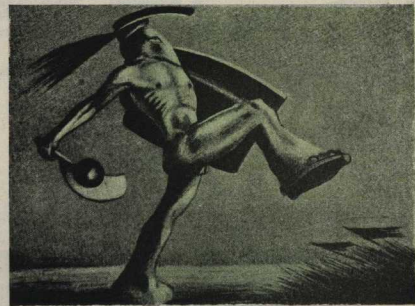
АВГУСТ РАШФЕ (1804—1860).

На другой день.

ОНОРЕ ДОМЬЕ (1808—1879).

Новый год
(рис. из альбома „Осада“).

АЛЬФРЕД КУБИН (р. 1877).

Милитаризм.

«Изобрази мертвые тела, — одни, покрытые пылью наполеону, другие — сплошь. Пыль, которая смешивается с истекающей кровью, превращается в красную грязь... Видно, что надры зелениного войска, которое стоит наготове, наполеон надежд». На картине не должно быть ни одного ровного места, без кровавых следов», — так начал писать батальный картины в своем трактате с живописи Леонардо да Винчи, знаменитый художник итальянского Возрождения.

«Кровавые следы» — «Ям артиллерии», «пыль, поднятая движением конницы». Это детали той идеальной картины, которая должна показать живописные эффекты сражения, воодушевлять тех, кого послали на бойню современники великого Леонардо, пираты и иезуиты XV и XVI веков. Богатейшая буржуазия, латы и князь захватывают в свои цепкие лапы передовую интеллигенцию, которая служит их идеям.

Четыре века, отделяющие нас от Леонардо, не изменили тенденций художников капиталистических стран в изображении войны. Картинные галереи мира хранят огромное количество батальных картин, и в ваюковых холстах вы увидите те основы, которые начертаны были еще Леонардо на заре буржуазной культуры.

Война, величайшая трагедия, интерпретируется многолетними буржуазными художниками в их картинах, рисунках, гравюрах, скульптуре не как радость, праздник народов пылкого тата. Вальсе феерическое зрелище. Такие величайшие мастера, как Микель-Анджело, Рафаэль, Тициан, Тинторетто, Веласкес, даве Грю, Жако, Брюллов, Менцель, прославляли войну, изображали красивые баталии.

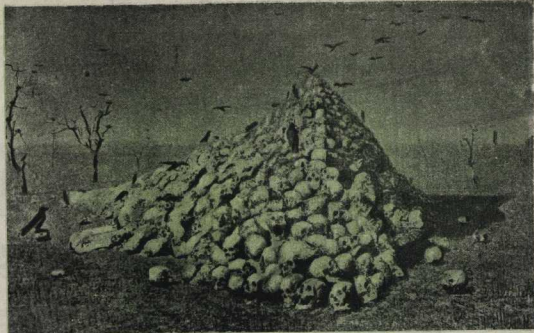
С чудовищным шовинизмом войны массы знакомил уже на самом поле битвы, среди грохота орудий, угара человеческой злости, трупного смрада, запаха пота и крови, криков, стонов, проклятий, предсмертных испусканий и изуродованных безымянных тел. Все это художники не осмелились бы показать массам, выполняли изказ господствующих классов, получающих огромные выгоды от войны. И если Явило в XVII веке, а Гойа в XVIII пытался показать в своих гравюрах отвратительный лик войны, то создали они свои произведения всецело под влиянием тех ударов, которые терпела их родина от нападений стороны. Везде совсем нездало до своих сарий гравюр «Великие бедствия войны» Явило гравюрует миланские «Осады Рашелли и острова Ре», «Осаду Бреды», прославляя победителя Людовика XIII, а «Бедствия войны» создает лишь, когда этот же король подчинит себе его родной город Нанси. Так создана была и серия кошмарных гравюр Гойа, где показан весь ужас расправы наполеоновских войск над беззащитным населением Сарагоссы, родины художника. Во всем мировом искусстве не встретить более потрясающих произведений, чем эти работы Гойа, где как бы слышен протестующий голос художника, запечатленный им в названиях гравюр: «Так было», «Этого нельзя перенести», «Но что можно сделать против штыков?», «Вот зачем были они реиданы».

И только таким путем удавалось буржуазным художникам показать массам мрачные картины войны, отнюдь не вскрывая истинных капиталистических целей ее, в жертву которым приносились величайшие завоевания культуры и миллионы человеческих жизней.

Значительный шаг вперед в разоблачении войны сделали французы Шалло и Раффе, их же соотечественник гениальный Оноре Домье в своих рисунках, исполненных по силе ненависти к буржуазии и войне, русский художник Верещагин, показавший изнанку войны, бельгиец Вьют, немцы Бейлин, Штун, австриец Кубин и итальянец Мартини в их аллегорических войнах.

Протестом против войны полны произведения и современных буржуазных художников — пидефистов Шлихтера, Дилса, Мазереля, возмущающих гуманности. Последствия войны, физиологии того класса, который господствует и определяет политику в войне, много внимания уделяет Гросс, художник, публицист и яркий памфлетист в графине послевенной Германии.

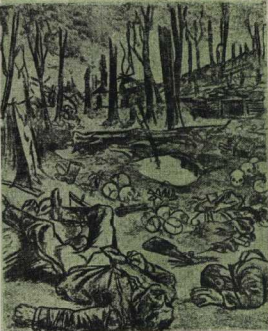
Наиболее близким пролетариату, разоблачающим буржуазно, ее подготовку войны, является американский «Джен Рид ялуд», куда входит ряд знаменитых сатирических графиков нашей эпохи, разоблачающих замыслы разбойничьей капитализма. Но все же это единичные голоса противников войны среди империалистического хора капиталистического искусства.

В. В. ВЕРЕЩАГИН (1842—1904).

Апофеоз войны.

«Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

РУДОЛЬФ ШЛИХТЕР (р. 1890).

Смерть и разрушение.

ФРАНЦ МАЗЕРЕЕЛЬ (р. 1899).

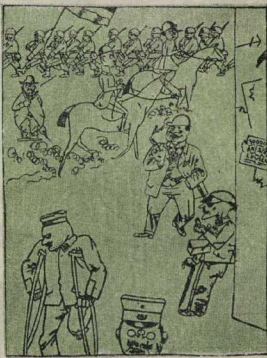
На серии «Политические рисунки»... И снова корчится на проволочных ограждениях молодые жизни».

ЯКОВ БЕРК (р. 1907). Смерть миллионов трудящихся — результат империалистической войны.

Искусство капитализма так же как и четыре века назад служит войне, искусство социализма служит делу мира среди народов всех стран.

Л. ВАРШАВИНСКИЙ.

ГЕОРГ ГРОСС (р. 1893).

Идилия.

Плакат худ. В. Гриффеля -
- давай коммунистическую
- волю!